

TS 2967
09

щества „ЗНАНИЕ“ (Невскій, 92).

977
1900

№ 2. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. № 2.
Редакція В. Поссе.

Handwritten blue scribbles

В. Зомбартъ.

Handwritten purple stamp:
J. A. ...
...
Zombart

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. ТЕПЛОВА.

R 148071
30

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Колпинскаго, уг. Конной и Тельжнаго пер. д. 3—5.
1900.

№ 2. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.
Редакция В. Поссе.

№ 2.

В. Зомбартъ.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. ТЕПЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Колпинскаго, уг. Конной и Тельжнаго пер. д. 3—5.

1900.

74 стр. (21x13), 40к.

*R 46.077
30*

*В. Зомбартъ
Историко-политическая библиотека
№ 2*

*Библиотечный штамп
Охрана
Книжная инвентарь*

1

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1899 г.

TS

2967
09

Изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ въ самомъ печальномъ и заброшенномъ состояніи находится, можетъ быть, наука о политикѣ. Если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что она находится въ настоящее время на уровнѣ аристотелевскихъ учений, то это было бы, по моему мнѣнію, очень милостивое сужденіе о томъ, что сдѣлано нашимъ поколѣніемъ. Какого-либо прогресса въ этой области за послѣднее время не замѣчалось. Новѣйшее и наиболѣе крупное сочиненіе въ этой отрасли знанія—„Политика“ все еще много читаемаго покойнаго лейпцигскаго профессора Рошера *) — могло бы спокойно появиться на нѣсколько десятилѣтій раньше и все-таки при своемъ появленіи оказалось бы устарѣвшимъ: о многочисленныхъ результатахъ соціального изслѣдованія за послѣднія десятилѣтія въ немъ нѣтъ и помину. Люди, родившіеся послѣ 1850 года, съ трудомъ понимаютъ его. Не лучше обстоитъ дѣло и съ большинствомъ другихъ науч-

---

*) „Политика“. Историческое изслѣдованіе о природѣ (!), монархіи, аристократіи и демократіи. Штутгартъ, 1892.

ныхъ сочиненій о политикѣ. И рѣзкая критика Джона Ст. Милля представляется мнѣ нынче еще болѣе справедливой, чѣмъ тогда, когда онъ ее впервые формулировалъ *). Будемъ надѣяться, что ближайшее будущее пополнитъ теперешніе пробѣлы. Что всего важнѣе при современномъ состояніи науки, — это добыть строительный матеріалъ для новой теоріи политики и въ особенности утилизировать для политики свѣдѣнія, добытыя въ другихъ областяхъ социальнаго знанія. Скромную попытку въ этомъ направленіи и представляютъ нижеислѣдующія строки. Въ нихъ высказываются сначала нѣкоторыя общія замѣчанія о понятіи, сущности и отрасляхъ политики, а затѣмъ на этой основѣ предпринимается спеціальное изслѣдованіе о значеніи идеала въ отдѣльной области политики, — въ политикѣ социальной.

I.

Общее понятіе политики установлено съ достаточной ясностью. По существу я готовъ принять его въ формулировкѣ Гольцендорфа **). „Политика какъ наука“ есть, по его опредѣленію, спеціальная отрасль знанія, трактующая о государствѣ и обществѣ. Ея объектомъ и содержаніемъ является „выходящая за предѣлы юрисдикціи реализація

*) Logic. 5 изд. (1862), II, 456 сл.

**) Prinzipien der Politik. 2 изд. 1879, стр. 3 и сл., въ особенности стр. 11. Тамъ же сдѣланы указанія на сходныя и несходныя воззрѣнія. Изъ новыхъ опредѣленій понятія политики ср. опредѣленіе Гертлинга, въ Staatslexikon, т. IV, слово „Politik“. Въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ слова „Политика“ совершенно нѣтъ.

государственныхъ цѣлей (на базисѣ существующихъ отношеній)“. Въ поясненіе Гольцендорфъ замѣчаетъ:

„Рѣшающее значеніе для насъ имѣеть не простая наличность средствъ, пригодныхъ для осуществленія государственныхъ цѣлей, а ихъ примѣненіе и результаты. Шлейермахеръ весьма удачно называетъ практическую политику „успѣшною дѣятельностью“. Идея дѣятельности для государства и его цѣлей является верховнымъ представленіемъ, изъ котораго должна исходить практическая политика... Дѣйствующими субъектами, которыхъ предполагаетъ или имѣеть въ виду политика какъ наука, являются государственная власть и ея исполнительные органы. Существуя повсюду, они служатъ, хотя и не исключительными, но, тѣмъ не менѣе, необходимыми орудіями политической дѣятельности“.

При этомъ слово „государство“ должно быть понимаемо въ широкомъ смыслѣ „общественнаго цѣлаго“, такъ какъ въ широкое понятіе политики мы должны также включить, напр., политику сельскихъ и городскихъ общинъ. Значить, говоря вообще, дѣло идетъ о сознательной дѣятельности общественныхъ учрежденій.

Но если мы и можемъ въ общемъ принять это абстрактное понятіе практической политики, то господствующее ученіе не даетъ намъ никакого отвѣта на вопросъ объ удовлетворительной системѣ политики.

Мы рекомендовали бы при этомъ разграничить двѣ главныхъ области политики, сообразно со сферами государственной дѣятельности, которая на-

правляется или на охрану интересовъ данной общественной организаціи противъ другихъ—„внѣшняя“, „національная“ политика, — или на измѣненіе, приспособленіе и развитіе существующаго соціального строя въ извѣстномъ направленіи—„внутренняя“ или „соціальная“ политика въ широкомъ смыслѣ этого слова. И лишь съ послѣдней мы будемъ имѣть здѣсь дѣло. Она обнимаетъ также и ту отрасль политики, точное формулированіе понятія которой является нашей задачей,—„соціальную политику“ въ узкомъ, собственномъ смыслѣ слова.

Что такое соціальная политика? Это вопросъ, на который не такъ легко дать отвѣтъ, какъ можетъ думать посторонній дѣлу читатель.

О какомъ-либо установившемся и господствующемъ опредѣленіи понятія нѣтъ и помину. Въ лучшемъ случаѣ тотъ или другой авторъ имѣетъ свой личный взглядъ и формулировку понятія, а въ большинствѣ случаевъ—никакого. Въ настоящее время считается позволительнымъ написать цѣлую книгу о „соціальной политикѣ“, не отдавши себѣ отчета, какое точное понятіе соотвѣтствуетъ этимъ словамъ. Въ громадномъ энциклопедическомъ словарѣ государственныхъ наукъ Конрада отдѣлъ „соціальная политика“ совершенно отсутствуетъ! И это въ такъ называемый „вѣкъ соціальной политики“!

Формулируя ходячій взглядъ на это понятіе, можно, думается мнѣ, опредѣлить соціальную политику, какъ совокупность тѣхъ мѣръ внутренней политики, которыя предприняты съ начала пролетарскаго движенія съ цѣлью удовлетворить или, по

крайней мѣрѣ, успокоить настойчиво-требовательныхъ наемныхъ рабочихъ, слѣдовательно — какъ ту политику, результатомъ которой является т. н. „соціальное“ законодательство — столь же неясное понятіе *). Такъ, напр., баронъ Гертлингъ въ своемъ изслѣдованіи объ „естественномъ правѣ и соціальной политикѣ“ **) полагаетъ, что понятіе соціальной политики „популярно“ въ смыслѣ специальныхъ задачъ, „относящихся къ положенію, потребностямъ и требованіямъ рабочаго класса“. Мало-помалу стали говорить о соціальномъ вопросѣ, пока вдругъ и у насъ не очутились предъ прочно организованной соціальной, соціалъ-демократической партіей, и тутъ уже правительство начало обсуждать мѣры для борьбы съ опасными стремленіями и для устранения вызвавшихъ ихъ золь. Соціальные (!) дебаты занимаютъ обширное мѣсто въ засѣданіяхъ германскаго рейхстага, начиная съ 1877 года. Правительственные законопроекты и предложенія различныхъ партій въ большей или меньшей степени проникаются соціально-политическими соображеніями. „Соціальная политика“ — лозунгъ нашего

---

*) О понятіи „соціальный“ см. разсужденія Stammler'a въ „Wirtschaft und Recht“ (Leipzig. 1896), стр. 117 и слѣдующія. Я охотно принимаю его опредѣленіе: соціальный — внѣшне-урегулированный, но хочу тутъ же замѣтить, что на этомъ опредѣленіи невозможно построить удовлетворительнаго понятія „соціальной политики“ въ тѣсномъ смыслѣ. Штамлеръ можетъ понимать подъ соціальной политикой лишь *всю* внутреннюю политику, какъ я противопоставилъ ее раньше національной политикѣ. Но все-таки является желательнымъ точное разграниченіе понятій и выдѣленіе „соціальной политики“ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

**) „Nurrecht. und Sozialpolitik“. Freiburg. 1892, стр. 5.

времени. Совершенно однородному представлению о значеніи термина *обязанъ*, очевидно, своимъ наименованіемъ „Verein für Sozialpolitik“.

Само собою разумѣется, что наука въ ея работѣ надъ опредѣленіемъ понятій не должна подчиняться вліянію, а тѣмъ менѣе руководству такихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Поищемъ, нѣтъ ли такихъ опредѣленій понятія, которыя въ меньшей степени носили бы характеръ историческихъ опредѣленій, приспособляющихся къ обстоятельствамъ? Пользуется извѣстностью опредѣленіе Адольфа Вагнера: „Въ общемъ мы разумѣемъ подъ соціальной политикой ту политику государства, которая направлена къ устраненію недостатковъ въ области процесса распредѣленія путемъ законодательной и административной дѣятельности“ *). Это опредѣленіе меня тоже не удовлетворяетъ. Прежде всего и оно носитъ на себѣ печать случайности. Подчиняясь обычной теперь манерѣ характеризовать, совершенно поверхностнымъ образомъ, новую политическую экономію тѣмъ, что она „обращаетъ большее вниманіе на процессъ распредѣленія“, въ то время, какъ старая ставила на первый планъ „процессъ производства“, — Адольфъ Вагнеръ тоже хочетъ, очевидно, противопоставить старой „экономической“ политикѣ — политикѣ производства — новую политику распредѣленія — „соціальную“. Но противъ этого опредѣленія имѣются и еще болѣе серьезные возраженія по существу. Прежде всего спрашивается, почему именно политика распредѣ-

---

*) „Ueber Soziale Finanz- und Steuerpolitik“. Braun's Archiv. Band IV. S. 4.

ленія должна быть окрещена именемъ соціальной? Нѣтъ ни малѣйшей связи между предметомъ и его словеснымъ выраженіемъ. А затѣмъ, если даже не обращать вниманія на это обстоятельство, то главный недостатокъ такого опредѣленія заключается въ томъ, что оно прямо-таки способствуетъ неопредѣленности и безсистемности. Понятіе „политика распредѣленія“ такъ растяжимо, что подъ него можно подводить самые разнородные предметы.

А между тѣмъ все значеніе опредѣленія понятій заключается именно въ томъ, чтобы внести порядокъ и систему въ наблюденіе живого многообразія дѣйствительности. „Политикой распредѣленія“ были бы, напр., мѣропріятія къ урегулированію договора о наймѣ, снабженіе работой голодающихъ домашнихъ ткачей, страховая политика и т. п. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношенію къ цѣлому ряду мѣропріятій совершенно невозможно установить, принадлежатъ ли они къ области „производительной“ или „распредѣлительной“ политики. Куда относится охранительное законодательство рабочихъ? Или введеніе нормальнаго рабочаго дня? Наконецъ, приведенное опредѣленіе страдаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что оно насильственно исключетъ изъ области соціальной политики тѣ мѣропріятія, которыя хотя и принадлежатъ къ „политикѣ производства“, но стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ „политики распредѣленія“. При этомъ я имѣю въ виду, напр., современное рабочее законодательство, „организацию ремесла“, политику по отношенію къ картелямъ, потребительнымъ обществамъ,

биржѣ и т. п. Мы должны, слѣдовательно, поискать лучшаго.

Опредѣленіе, которое ведетъ на вѣрный путь, дано Брюллемъ въ статьѣ „Соціальная политика“, вошедшей въ „Словарь государственныхъ наукъ“ *). По его мнѣнію, „соціальная политика, или ученіе объ обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ, представляетъ ту отрасль государственныхъ наукъ, которая занимается отношеніями публичной власти къ отдѣльнымъ производительнымъ сословіямъ и ихъ взаимнымъ интересамъ“. Кромѣ смѣшенія политики, какъ науки, съ практической политикой, это опредѣленіе страдаетъ большою неопредѣленностью. Несомнѣнно, передъ авторомъ мелькало вѣрное и осязательное понятіе, но онъ все-таки не сумѣлъ правильно формулировать свою мысль. Это проявляется въ дальнѣйшемъ ходѣ статьи, посвященной преимущественно рабочей политикѣ новаго времени, гдѣ авторъ не смогъ плодотворно примѣнить собственное опредѣленіе понятія. Такимъ образомъ, мы и здѣсь не находимъ искомаго: пригоднаго отграниченія понятія соціальной политики, другихъ же попытокъ установленія этого понятія, которыя заслуживали бы вниманія, я не знаю. Такимъ образомъ, не остается ничего другого, какъ попытаться самому формулировать его.

Насколько я понимаю дѣло, во всей экономической политикѣ, которая только насъ здѣсь и

---

*) Staatslexikon. Band V (1896). S. 140. Подобнымъ же образомъ, впрочемъ, опредѣляетъ понятіе соціальной политики въ узкомъ смыслѣ также и фонъ-Гертлингъ, противопоставляя его приводимому имъ „популярному“ взгляду на соціальную политику.

интересуеть, мы можемъ прослѣдить два существенно различныхъ рода мѣропріятій *). Хотя это различіе не всегда существуетъ въ сознаніи политика, т. е. сообразно поставленнымъ цѣлямъ, но зато постоянно можетъ быть проведено по отношенію къ результатамъ извѣстныхъ мѣръ.

А именно: политическія мѣропріятія направляются или къ поддержанію и уничтоженію опредѣленной экономической системы или ея составныхъ частей, или же вліяютъ на судьбу отдѣльныхъ членовъ хозяйственной организаціи. Подъ экономической системой я понимаю опредѣленный порядокъ экономической жизни данной совокупности людей, въ которомъ господствуютъ извѣстные принципы. Различеніе отдѣльныхъ экономическихъ системъ привело бы къ неодинаковымъ результатамъ въ зависимости отъ выбора признаковъ различія. Если мы пока удовольствуемся принятымъ Бюхеромъ **) критеріемъ—путемъ отъ производства къ

*) Подъ экономической политикой я понимаю политику, вліяющую на экономическую жизнь и регулирующую ее, а подъ экономической жизнью—совокупность тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя возникаютъ изъ производства, распредѣленія и потребленія. Для меня соціальная жизнь не исчерпывается вполне экономической жизнью, какъ предполагаетъ Штамлеръ. Попутно мнѣ хочется замѣтить Штамлеру, что, по моему мнѣнію, его выводъ о невозможности выдѣленія экономическихъ феноменовъ изъ другихъ проявленій соціальной жизни происходитъ лишь отъ ошибочности избранныхъ имъ субъективныхъ признаковъ различія (матеріальныхъ потребностей) и что онъ падаетъ, если взять, какъ это я дѣлаю, за критерій для обособленія соціальныхъ явленій объективную дѣятельность. Впрочемъ, эти разногласія довольно безразличны при установленіи понятія соціальной политики.

**) Entstehung der Volkswirtschaft. 1893.

потребленію, — то получимъ три исторически сложившіяся экономическія системы: самостоятельное натуральное хозяйство, мѣновое хозяйство городовъ и современное капиталистическое хозяйство съ широкимъ обмѣномъ. Какъ извѣстно, всѣ три, или, если мы захотимъ разсматривать социалистическое „самодовлѣющее хозяйство“ на высшей ступени развитія, какъ четвертую экономическую систему, то всѣ четыре экономическія системы существуютъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ одновременно другъ съ другомъ. На нихъ опираются социальныя классы *): земельная аристократія и крестьянство, какъ представители различныхъ формъ первобытнаго натурального хозяйства, мѣщанство, какъ представитель территориально-ограниченнаго мѣноваго хозяйства, буржуазія, какъ классовое выраженіе капиталистически развитою мѣноваго хозяйства въ его консервативно - монархической формѣ, и, наконецъ, пролетаріатъ съ его тенденціей къ обобществленію и демократизаціи.

*) Теорія образованія классовъ еще не выработана. Какъ извѣстно, заключительная (52-я) глава III тома „Капитала“ К. Маркса должна была быть посвящена этому вопросу. Но уже на срединѣ второй страницы читатель наталкивается съ величайшимъ сожалѣніемъ на замѣчаніе: „Здѣсь манускриптъ обрывается“. Какая неизмѣримая потеря для науки! Новыя попытки въ томъ же направленіи неудовлетворительны. Назовемъ изъ нихъ: G. Schmoller. „Das Wesen der Arbeitstheilung und sozialen Klassenbildung“. Что Шмоллеръ понимаетъ подъ социальнымъ классомъ, — не совсѣмъ ясно. Уже Бюхеръ въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ показалъ, что Шмоллеръ недостаточно отчетливо различаетъ профессиональныя группы и социальныя классы, и съ своей стороны пытается указать въ понятіи „социально - профессиональнаго класса“

Что мы разумѣемъ подъ составными частями экономической системы, должно бы быть ясно: обособленные сферы однородной экономической жизни, образуемая одинаково заинтересованными группами лицъ—частями социальными классовъ, которыя, хоть и являются членами одного и того же тѣла, но при извѣстныхъ условіяхъ могутъ придти въ противорѣчіе между собою. Чѣмъ выше, сложнее экономическая система, тѣмъ многообразнѣе это раздѣленіе. Такъ, наибольшее число оттѣнковъ мы находимъ въ рядахъ буржуазіи, представляющей капиталистическое хозяйство въ его поступательномъ развитіи: аграрная, промышленная и финансовая буржуазія.

Этого, намъ кажется, достаточно для пониманія сдѣланнаго выше различія въ характерѣ мѣропріятій экономической политики: первая категория мѣръ относится (имѣетъ цѣлью или, по крайней мѣрѣ, слѣдствіемъ) къ существованію, содѣйствію въ развитіи или уничтоженію извѣстной экономи-

---

„взаимодѣйствіе между профессіей и собственностью“. Ту же попытку онъ повторяетъ въ статьѣ „Bevölkerung des Kantons Basel-Stadt“ (1890 г.), но и здѣсь, по моему мнѣнію, не формулируетъ понятія съ достаточной точностью. Совершенно неопредѣленно высказывается Штамлеръ (стр. 275—278 его книги), который выставляетъ четыре критерія для разграниченія социальныхъ классовъ, не указывая, который изъ нихъ онъ самъ считаетъ правильнымъ для установленія все-таки же единого понятія социального класса. Впрочемъ, надо замѣтить, что критеріи № 1, 3 и 4-й неприменимы, а четвертый—неопредѣленно выраженъ. Почему критерій одинаковости направленія интересовъ—если ихъ, какъ это я дѣлаю, ставить въ связь съ опредѣленной экономической системой—кажется Штамлеру „шаткимъ“, для меня непонятно.

ческой системы или ея составныхъ частей, или,— какъ мы уже можемъ теперь подставить вмѣсто этого, — извѣстнаго соціального класса или его группъ. Другими словами, эти мѣры видоизмѣняютъ *экономическій порядокъ въ пользу или во вредъ извѣстной группъ интересовъ.*

Примѣрами могутъ служить: освобожденіе крестьянъ, торговые договоры, биржевыя реформы, ограниченія разносной торговли или большихъ магазиновъ, установленіе Befähigungsnachweis'a—свидѣтельства о достаточной технической подготовкѣ, какъ условія къ самостоятельному веденію ремесленныхъ и фабричныхъ предпріятій, охранительное рабочее законодательство и т. п. Въ рѣзкой противоположности съ этой категоріей мѣропріятій экономической политики стоитъ другая категорія, которая имѣетъ объектомъ судьбу отдѣльныхъ, произвольно сгруппировавшихся индивидуумовъ, безъ отношенія къ опредѣленной экономической системѣ и соотвѣтствующей ей принадлежности къ тому или другому классу. Сюда относятся, напр.: политика борьбы съ ниществомъ съ ея придаткомъ въ видѣ современнаго принудительнаго страхованія, многіе отдѣлы политики по отношенію къ различнаго рода товариществамъ, многія отрасли финансовой политики, напр., политика подоходнаго обложенія, которая знаетъ лишь различіе между бѣднымъ и богатымъ, между имѣющимъ собственность и лишеннымъ ея, одинаково несущественное, какъ для теоретика, такъ и для практика соціальной политики. И въ то же время, напр., политика обложенія торговопромышленныхъ предпріятій и т. п. очень легко можетъ относиться къ первой категоріи

мѣропріятій, поскольку ея цѣлью или слѣдствіемъ является содѣйствіе развитію или нанесеніе вреда крупной или мелкой промышленности, капитализму или ремесленному производству.

Читатель уже догадывается, какую цѣль я преслѣдую, дѣлая это различіе въ мѣропріятіяхъ экономической политики: я хочу выдѣлить первую категорію мѣръ, въ качествѣ соціальной политики. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующее опредѣленіе этого понятія: *подъ соціальной политикой мы понимаемъ тѣ мѣропріятія экономической политики, которыя имѣютъ цѣлью или слѣдствіемъ сохраненіе, содѣйствіе развитію или уничтоженіе, подавленіе определенной экономической системы или ея составныхъ частей.* Ей я противопоставляю индивидуальную политику—тѣ мѣропріятія, которыя направлены ко благу отдѣльныхъ лицъ или группъ, безъ различія ихъ принадлежности къ определенной экономической системѣ, а, значитъ, также и къ определеннымъ соціальнымъ классамъ. Въ пользу моей терминологіи говорятъ слѣдующія основанія:

1) Этимъ достигается выдѣленіе, такъ сказать, *экономической политики перваго класса* и обособленіе ея отъ другихъ мѣропріятій, что дѣлаетъ возможнымъ разграниченіе важнаго отъ неважнаго, постояннаго отъ преходящаго. Тогда сравнительно незначительныя мѣропріятія, слѣдствіемъ которыхъ является воздѣйствіе на экономической строй въ определенномъ направленіи, будутъ имѣть для насъ несравненно-большее значеніе, чѣмъ самыя обширныя индивидуально-политическія мѣропріятія. Вопросы о томъ, большее или меньшее число

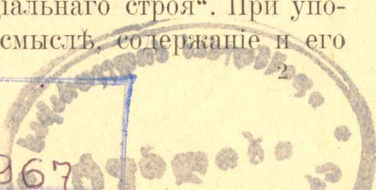
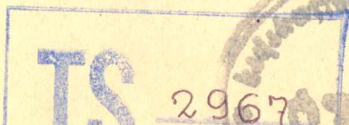
лицъ, вмѣсто денежной помощи изъ налога въ пользу бѣдныхъ, будетъ охотнѣе получать болѣе или менѣе высокую ренту изъ специальной страховой кассы, болѣе или менѣе проценты съ доходовъ богатыхъ людей будетъ взятъ посредствомъ подоходнаго налога, будетъ ли помощь голодающимъ ручнымъ ткачамъ оказана изъ дохода съ благотворительнаго базара или изъ кассы военнаго вѣдомства, составленной взносами сердобольныхъ людей и т. д.,—имѣютъ безконечно-меньшее значеніе для всей экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизни общества въ цѣломъ, чѣмъ, напр., вопросы: будетъ ли слѣдствіемъ осуществленія данной мѣры законодательной охраны рабочихъ вытѣсненіе или сохраненіе мелкаго производства, ведетъ ли извѣстная политика къ увеличенію или уменьшенію крестьянскихъ хозяйствъ, способствуетъ или препятствуетъ данная мѣра налоговой политики развитію крупныхъ магазиновъ, укорачиваетъ или удлиняетъ данное распоряженіе существованіе домашней и кустарной промышленности, произойдетъ ли расцвѣтъ или упадокъ крупной промышленности вслѣдствіе принятаго торговаго договора и т. д., и т. д.

2) Выдѣляя въ особую группу мѣропріятія, вліяющія на характеръ экономической системы, мы вносимъ *порядокъ* въ пестрый рядъ явленій экономической политики. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу лучшей точки зрѣнія для группировки однородныхъ и разграниченія неоднородныхъ мѣръ. Ясная формулировка политико-экономическихъ системъ даетъ намъ систему экономической политики. Она получается изъ группировки вліяющихъ

на данную экономическую систему мѣропріятій путемъ обособленія и соотвѣтствующаго наименованія совокупности мѣръ, касающихся отдѣльныхъ отраслей и областей этой экономической системы и т. д. И эта систематика будетъ опираться на „сущность вещей“, а не обязана своимъ возникновеніемъ преходящимъ историческимъ обстоятельствамъ.

Наконецъ, спрашивается, въ-3-хъ, не произвольно ли мы назвали лишь одну группу мѣропріятій экономической политики „соціальной политикой“? Я думаю, что совершенно нѣтъ.

Прежде всего, что касается значенія этого выраженія въ разговорномъ языкѣ, которое всегда должно быть принимаемо во вниманіе при установленіи научной терминологіи, то мы видѣли, что въ данномъ случаѣ оно по большей части такъ неопредѣленно, что не препятствуетъ произвольному толкованію выраженія „соціальная политика“. Мнѣ кажется даже, что многимъ неясно представлялся именно тотъ смыслъ его, который дается нами—сравните, напримѣръ, вышеприведенное опредѣленіе изъ „словаря государственныхъ наукъ“. Во всякомъ случаѣ, разговорное значеніе понятія подходит не ближе къ единственному ясному опредѣленію Адольфа Вагнера (соціальная политика=политика устраненія недостатковъ, возникающихъ изъ процесса распредѣленія), чѣмъ къ нашему. Слово же „соціальная“ политика по своему смыслу, несомнѣнно, находитъ самое лучшее примѣненіе по отношенію къ мѣропріятіямъ, влияющимъ на характеръ „соціальнаго строя“. При употребленіи его въ этомъ смыслѣ, содержаніе и его

словесное выраженіе вполнѣ покрываютъ другъ друга.

II.

Если мы въ послѣдующемъ изложеніи, установивъ понятіе соціальной политики, попытаемся прибавить кое-что для характеристики ея сущности, то намъ представится, очевидно, двойная задача: во-первыхъ, изслѣдовать, какова суть и значеніе политики вообще, а слѣдовательно и соціальной политики; во-вторыхъ,—выяснить характерныя особенности соціальной политики, которыя именно отличаютъ ее отъ другихъ отраслей политики.

Такъ какъ мы не задаемся здѣсь цѣлью писать статью о политикѣ вообще, то для выясненія нашей точки зрѣнія по отношенію къ первому пункту придется ограничиться лишь нѣсколькими намеками. Если вся политика, говоря словами Шлейермахера, представляетъ „плодотворную дѣятельность“, то она покоится, очевидно, на *идеѣ осуществимости свободно избранныхъ цѣлей*. Здѣсь говорится, конечно, не о произвольномъ преслѣдованіи фантастическихъ, лишенныхъ плана цѣлей. Это значило бы стать на точку зрѣнія мечтательнаго утопизма, не имѣющаго почвы въ дѣйствительности и не могущаго оказывать обратнаго вліянія на жизнь.

А надо это понимать въ томъ смыслѣ, что политика, какъ и всякая „плодотворная дѣятельность“, несовмѣстима съ мыслью о невозможности вліянія единичной воли на естественную необходимость совершающагося. Недавно мнѣ довелось въ другомъ

мѣстѣ *) указать на то, что неумѣнье согласовать свободную (существование самостоятельно поставленных цѣлей съ идеей строгой причинности въ социальной жизни обуславливается смѣшеніем то-

---

*) „Хотя я уже много разъ имѣлъ случай, по крайней мѣрѣ отрывочно, характеризовать *сущность социальной эволюции*, тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ еще разъ повторить здѣсь въ связной формѣ, что я разумѣю подъ этимъ понятіемъ, такъ какъ правильное пониманіе именно этого пункта имѣетъ рѣшающее значеніе: социальная эволюція и признаніе таковою общественнаго движенія въ цѣломъ основывается на мысли, что мы находимся въ непрерывномъ процессѣ экономическаго и социальнаго переустройства и что каждой данной стадіи этого процесса соотвѣтствуетъ определенная группировка интересовъ и необходимыя отношенія господства, что, по мѣрѣ хода этого переустройства и развитія вліянія различныхъ общественныхъ группъ, какъ носительницъ интересовъ, перераспредѣляются и сами отношенія власти, въ результатъ чего одни господствующіе классы смѣняются другими. Въ основѣ этого взгляда лежитъ мысль, что существующее для даннаго времени соотношеніе общественныхъ силъ и власти дѣйствительно является выраженіемъ экономическихъ отношеній, а не обманомъ или фокусничествомъ, и что эта власть лишь постепенно переходитъ въ другія руки, по мѣрѣ того, какъ примѣняются экономическія отношенія, и одновременно съ этимъ развиваются личныя, субъективныя условія — характерныя свойства стремящихся къ господству классовъ. Короче говоря, социальная эволюція—это мысль о постепенномъ достиженіи могущества и водвореніи новаго общественнаго порядка въ соотвѣтствіи съ видоизмѣненіемъ экономическихъ отношеній и преобразованиемъ, выработкой характера.

„Довольно часто среди эволюціонистовъ возникали разногласія вслѣдствіе смѣшенія понятій: *эволюція* и *квіэтизмъ*. Въ особенности среди марксистовъ распространилось мнѣніе, будто эволюція представляетъ естественный процессъ, совершающійся независимо отъ дѣятельности людей, по отноше-

чекъ зрѣнія соціального теоретика, считающагося лишь съ причинной необходимостью, и политическаго дѣятеля. Въ нѣсколько другой формѣ ясно выразилъ ту же мысль Джонъ Стюартъ Милль *), ню къ которому единичныя личности должны спокойно положить руки въ карманы и ждать, пока плодъ вполне созрѣетъ для того, чтобы быть сорваннымъ...

„Этотъ квіэтической и, по моему мнѣнію, псевдомарксистскій взглядъ не имѣетъ ничего общаго съ идеей эволюціи. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что все, совершающееся въ соціальной жизни, несомнѣнно происходитъ между живыми людьми, которые участвуютъ въ процессѣ развитія, ставя себѣ цѣли и стремясь къ ихъ осуществленію. Часто смѣшиваютъ совершенно различныя точки зрѣнія—соціального теоретика и практическаго дѣятеля. Для перваго развитіе общественной жизни постольку представляется совершающимся, какъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, поскольку онъ выводитъ формы жизни, какъ неизбежный результатъ мотивовъ дѣйствующихъ лицъ, а эти мотивы, въ свою очередь, стремится понять въ ихъ опредѣленной зависимости и обусловленности. Для него соціальная жизнь представляетъ процессъ, перенесенный въ прошлое. А для политика, наоборотъ, этотъ процессъ лежитъ въ будущемъ. Что теоретикъ понимаетъ какъ дѣйствіе опредѣленной причины, то для практика является цѣлью будущаго, которую онъ только еще долженъ достигнуть при помощи своей воли. Но эта воля, въ свою очередь, представляетъ звено въ цѣпи причинъ и слѣдствій соціальной жизни. И, несмотря на всю свою обусловленность, воля все-таки является высшей личной собственностью дѣйствующаго человѣка. Пытаясь доказать необходимость опредѣленнаго направленія воли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развитія опредѣленнаго ряда явленій общественной жизни, соціальный теоретикъ дѣлаетъ это всегда съ само собою понятнымъ ограниченіемъ: предполагая, что не ослабнетъ энергія дѣйствующихъ лицъ для принятія извѣстныхъ рѣшеній и осуществленія ихъ“.

W. Sombart. „Soziale Bewegung im 19 Jahrhundert“. S. 104—105. Jena. 1896.

*) „Логика“, III, стр. 352, нѣм. изд.

сказавъ: „Ученіе о независимости соціального прогресса отъ неизмѣнныхъ законовъ во многихъ государствахъ неразрывно связано съ мыслью, что индивидуальными усиліями или правительственными мѣропріятіями нельзя оказать значительнаго вліянія на ходъ общественнаго развитія. Это—заблужденіе. Изъ того, что все совершающееся, въ томъ числѣ также и акты человѣческой воли, является слѣдствіемъ опредѣленныхъ причинъ, не слѣдуетъ, что волевые акты вообще и даже волевые акты отдѣльныхъ индивидуумовъ не могутъ быть, въ свою очередь, причинами большого значенія“.

Милль указываетъ, вслѣдъ за тѣмъ, на дѣятельность капитана во время бури и продолжаетъ: „Какъ ни безусловны законы соціального развитія, они не могутъ быть болѣе безусловными или строгими, чѣмъ законы природы, и, однако, человѣческая воля можетъ превратить ихъ въ орудія своихъ замысловъ, и степень, въ которой она достигаетъ этого, составляетъ главное различіе между дикимъ и высоко цивилизованнымъ человѣкомъ“ *).

Во всякой политикѣ, какъ „успѣшной дѣятель-

---

*) Для уясненія сказаннаго здѣсь будетъ уместно привести прекрасную картину Макиавелли въ его „Principe“: „Я сравниваю счастье съ опасной рѣкой, которая, разливаясь, наводняетъ равнину, вырываетъ деревья и разрушаетъ дома, уноситъ землю въ одномъ мѣстѣ и наноситъ ее въ другомъ. Каждый бѣжитъ отъ нахлынувшихъ волнъ; никто не можетъ сопротивляться. Однако, въ спокойныя времена люди могутъ принять мѣры противъ этого, при помощи плотинъ и валовъ достигнуть того, чтобы рѣка текла во время половодья какъ бы въ каналѣ, или разливалась не такъ широко и не причиняла такого вреда“. Opera (1797). VI, 351—352.

ности“, можно различать два существенных элемента: цѣль и средства къ ея достиженію. Поскольку эта цѣль, по сравненію съ существующимъ положеніемъ дѣль, представляется лучшимъ и желаннымъ, поскольку она противопоставляется реальному status quo въ качествѣ сравнительно законченной идеи, мы можемъ назвать ее политическимъ *идеаломъ*, осуществленіе котораго должно быть достигнуто политическими мѣропріятіями.

О политическомъ идеалѣ мы и будемъ говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Каково вообще,—должны мы спросить,—можетъ быть къ нему отношеніе науки? Очевидно, оно должно быть двоякое: наука можетъ разсматривать идеаль въ его необходимости или въ его свободѣ. Она можетъ или объявить его причинно обусловленнымъ въ его возникновеніи—генетическая точка зрѣнія, или же освѣтить его въ его цѣнности и значеніи—критическая точка зрѣнія. Последняя, въ свою очередь, исходитъ изъ молчаливаго предположенія вѣры въ возможность успѣшнаго измѣненія направленія политической дѣятельности, такъ какъ безъ этой вѣры критика была бы праздною, чисто академической болтовней. Какъ я представляю себѣ до сихъ поръ оставлявшееся совершенно безъ вниманія ученіе о причинной необходимости идеаловъ партійной политики, я показалъ по отношенію къ современно-пролетарскому идеалу въ цитированной уже работѣ.

Здѣсь же, напротивъ того, я намѣренъ попытаться освѣтить нѣкоторыя новыя стороны критической точки зрѣнія. Относительно своей точки зрѣнія я долженъ прежде всего сказать, что я не

придаю научной критикѣ роли руководительницы по отношенію къ политическому идеалу. Въ одномъ изъ значительнѣйшихъ новѣйшихъ сочиненій о соціальной политикѣ, вышеупомянутой книгѣ Штамлера, сдѣлана попытка утилизировать ученія кантовской этики о „регулятивной идеѣ“ для соціальной жизни. Штамлеръ ищетъ сущность соціальной „закономѣрности“ въ телеологическомъ соотношеніи соціальныхъ событій съ единою объективною цѣлью всей соціальной жизни, которую научное мышленіе должно установить а priori. Эту точку зрѣнія я считаю ошибочною, но, такъ какъ для подробнаго опроверженія ея здѣсь не мѣсто, намъ приходится ограничиться замѣчаніемъ, что онъ относитъ въ сферу познанія такую область человѣческаго бытія, которая въ главныхъ своихъ элементахъ выходитъ за его предѣлы. Всѣ политическія стремленія имѣютъ своимъ конечнымъ основаніемъ общее міросозерцаніе и жизнепониманіе отдѣльныхъ людей, а это послѣднее, въ концѣ концовъ, укрывается въ метафизическую область вѣры, куда не смѣетъ послѣдовать за нею познаніе. Часто указывавшееся противорѣчіе кантовской этики, что она уничтожаетъ дѣло всей жизни своего творца, переходя черезъ указанную въ „критикѣ разума“ границу человѣческаго познанія, и вноситъ въ этику онтологическое доказательство, которое было устранено изъ науки и утилизировано религіей, — это же противорѣчіе губитъ и разсужденія Штамлера.

Если справедливо, что „законосообразность“ познанаія имѣетъ своей основой единство формы нашего мышленія, то не менѣе справедливо, что та-

кая „законосообразность“ не может быть установлена ни для человѣческой дѣятельности вообще, ни для политической дѣятельности въ частности, именно потому, что у этого единства нѣтъ „конечной“ цѣли. Того, кто не желаетъ знать или признавать категоріи причинности, мы можемъ, конечно, оставить въ сторонѣ, какъ чудака, упрянца или идіота, но мы не можемъ поступить такимъ же образомъ съ тѣмъ, кто защищаетъ міросозерцаніе, противоположное нашему. Почему я не долженъ избрать цѣлью своихъ стремленій „общество людей съ свободной волей“, а не ничшеанскую „теорію культурнаго удобренія“, мистическій аскетизмъ или рабскую мораль,—не сумѣетъ „доказать“ мнѣ ни одинъ человѣкъ, хотя бы онъ затратилъ на это столько же труда, какъ Штамлеръ, по той простой причинѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о распознаніи истиннаго или ложнаго, т. е. соответствующаго однообразнымъ законамъ человѣческаго мышленія или противорѣчащаго имъ, а о выборѣ точки зрѣнія, опредѣляемой, главнымъ образомъ, моими чувствами, принятіе которой еще далеко не оправдываетъ причисленія меня въ категоріи идіотовъ или чудаковъ.

Но если даже наука и будетъ изгнана изъ этой непринадлежащей ей области, то этимъ вовсе еще не устраняется возможность критики политическаго идеала. Наоборотъ, ея задачи по отношенію къ этому послѣднему все еще очень многочисленны и важны, если мы даже откажемся отъ навязыванія ей „конечныхъ цѣлей“.

Задачи критическаго ученія о политическомъ идеалѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣ-

дующемъ: прежде всего оно должно взяты за „критику“ въ кантовскомъ смыслѣ слова, т. е. установить границу доказуемаго; затѣмъ, въ предѣлахъ „доказуемаго“, т. е. въ области, доступной научному познанію, она должна водворить порядокъ и ясность. Тутъ дѣла не мало: надо обнаружить ошибки, противорѣчія и непослѣдовательности въ выработкѣ идеала. Самый идеаль долженъ быть установленъ и обрисованъ съ соблюденіемъ формальнаго единства. Затѣмъ слѣдуетъ указать соотношеніе идеала въ одной области,—напр., социально-политической,—къ идеалу въ другой области,—хотя бы этической; нужно также рѣшить вопросъ о зависимости чистаго идеала отъ конечныхъ цѣлей и т. д.

Эти изслѣдованія касаются, главнымъ образомъ, формальной разработки идеала, но и его содержаніе тоже должно быть изслѣдовано критически. Нужно показать, что извѣстный идеаль утопиченъ, такъ какъ находится въ противорѣчій съ объективно необходимыми фактами, что необходимъ другой идеаль, въ виду того, что желательнo достигнуть какихъ-либо другихъ цѣлей, или же потому, что существуетъ рядъ неустранимыхъ обстоятельствъ.

Какъ показываютъ эти немногія разсужденія, наука объ идеаль имѣетъ еще въ этомъ отношеніи великія задачи передъ собою,—задачи плодотворнаго и несомнѣнно успѣшнаго творчества. Ибо хотя въ конечномъ счетѣ, какъ мы это уже указывали, выборъ идеала и направленіе политическихъ стремленій опредѣляется интересами, вытекающими изъ условій среды, индивидуальнымъ и классовымъ міросозерцаніемъ, независимо отъ

теоремъ науки,—несомнѣнно, наука можетъ освѣ-
тить путь, предотвратить ошибки, повысить твер-
дость отчетливаго стремленія, укрѣпить нерѣши-
тельныхъ и колеблющихся, направить стоящія
внѣ партій правительства, — если таковыя суще-
ствуютъ, — на путь прогресса.

Прогресса? — Но развѣ наука показываетъ, въ
чемъ онъ заключается? Конечно,—нѣтъ. Но пред-
ставитель науки,—и этого не слѣдуетъ забывать,—
самъ живой человѣкъ и, если онъ не вполне из-
сушенъ наукой, человѣкъ съ живыми идеалами, въ
направленіи которыхъ лежитъ для него прогрессъ.
И какъ никто не согласится отказаться отъ попы-
токъ убѣдить другого въ преимуществахъ собствен-
наго идеала, навязать другому свою волю, точно
также не откажется отъ этого и ученый. Онъ не поки-
нетъ надежды, что уже уясненіе положенія, котора-
го онъ можетъ достигнуть только одному ему доступ-
ными средствами, можетъ оказать вліяніе на направ-
леніе политической дѣятельности. Но съ тѣмъ боль-
шей отчетливостью онъ долженъ провести границу
между наукой и дѣятельностью. Онъ долженъ от-
крыть и честно сказать, гдѣ онъ перестаетъ вести
своего читателя и слушателя при посредствѣ убѣ-
дительной силы своихъ логическихъ дедукцій, гдѣ
онъ обращается уже не къ знанію, а къ волѣ.
Тогда онъ можетъ раскрыть всю свою индивиду-
альность, свое міросозерцаніе, всю силу своего крас-
норѣчія, если его на это вызываетъ темпераментъ,—
для того, чтобы направить волю другихъ въ ко-
лею собственныхъ стремленій, но только онъ не
долженъ предаваться иллюзіи, что этимъ служить
распространенію научнаго знанія. Онъ говоритъ и

дѣйствуетъ уже какъ человѣкъ, а не какъ изслѣдователь. И если въ жизни это разграниченіе часто бываетъ довольно затруднительно, часто даже невозможно, — въ теоріи оно все же должно соблюдаться съ полной строгостью. И всякій, кто хочетъ научно трактовать объ идеалахъ соціальной политики, долженъ сознавать это. Иначе онъ омрачаетъ ясное познаніе невнимательной примѣсью элементовъ своего чисто личнаго, недоказуемаго въ своей истинности или ошибочности, убѣжденія.

III.

Можно назвать *господствующимъ воззрѣніемъ* убѣжденіе, что идеалы соціальной политики должны быть почерпаемы не изъ самой хозяйственной жизни, а изъ другихъ сферъ, что хозяйственно-политическія стремленія имѣютъ своимъ масштабомъ не потребности хозяйственной жизни, а другіе постулаты человѣчества.

Области, изъ которыхъ заимствуются обыкновенно идеалы соціальной политики, суть этика и религія; къ нимъ недавно присоединились расовая гигиена и націонализмъ, которые тоже предъявляютъ претензіи на соціальную политику. Но какъ ни распространена эта точка зрѣнія, было бы весьма ошибочнымъ допустить, что она одинакова и ясна у всѣхъ ея представителей. Отдѣльныя воззрѣнія сводятся къ слѣдующимъ главнымъ разновидностямъ.

Этико-соціальная точка зрѣнія есть, по существу, точка зрѣнія такъ называемой „этической“ школы политической экономіи и вдохновенныхъ

ею катедеръ-соціалистическихъ политиковъ. Какъ извѣстно, она возникла въ первой половинѣ нашего вѣка въ видѣ реакціи противъ нашествія капитализма. На этой точкѣ зрѣнія стояли въ то время Сисмонди во Франціи и Карлейль въ Англии. Затѣмъ она возродилась въ началѣ 70-хъ годовъ въ Германіи, гдѣ и получила широкое распространеніе, такъ какъ ей служило прочной опорой бюрократическое прошлое Германіи, въ особенности Пруссіи. Теперь, какъ кажется, эпоха „этической“ политической экономіи наступила и въ Италіи. Представители этого направленія въ Германіи извѣстны—это наши извѣстнѣйшіе экономисты: Вагнеръ, Шмоллеръ, Конъ и др., а равно и наши вліятельнѣйшіе министры. Самый молодой изъ выдающихся представителей этической школы—Штамлеръ, который, повидимому, совершенно не сознаетъ своего родства съ катедеръ-соціализмомъ, такъ какъ отстаиваемую имъ (этическо-телеологическую) точку зрѣнія на соціальныя явленія, которая безусловно господствуетъ въ официальной политической экономіи, онъ считаетъ новой. Общая черта этическо-соціального воззрѣнія заключается въ слѣдующемъ: мы приступаемъ къ существующимъ условіямъ съ масштабомъ нравственнаго идеала. Если оказываются отступленія отъ него, то это зло, т. е. нравственно несовершенныя формы хозяйственнаго существованія.

„Отдѣльныя стороны прогресса слѣдуетъ привести въ связь съ цѣлымъ, разрѣшить противорѣчіе односторонняго развитія съ общими требованіями, возстановить гармонію между индивидуальнымъ и общественнымъ развитіемъ, естественный,

технической и интеллектуальной прогрессъ поднять на высоту нравственныхъ цѣлей развитія всего человѣчества“ *). Призывъ направляется по адресу государственной власти, какъ хранительницы вѣчнаго огня нравственности. У отдѣльныхъ представителей социальна-этического направлення обоснованіе нравственности совершенно различно. Въ то время, какъ Штамлеръ, какъ уже было указано выше, перенимаетъ изъ кантовской этики априорный, формальный принципъ „руководящей идеи“, большинство современныхъ катедеръ-соціалистовъ стоитъ, повидимому, на почвѣ относительной этики.

По крайней мѣрѣ объ этомъ можно догадываться по нерѣдко встрѣчающимся въ ихъ сочиненіяхъ выраженіямъ въ родѣ: „осады нравственныхъ идей“, „потокъ нравственныхъ взглядовъ“ и т. п. Я намѣренно говорю „повидимому“, такъ какъ мнѣ извѣстно существованіе методическаго, принятаго безъ возраженій обоснованія этической точки зрѣнія у представителей катедеръ-соціализма. Главный этическо-соціальный трудъ, — вышеуказанная книга Кона, — ни единымъ словомъ не касается вопроса о томъ, откуда же берется тотъ нравственный масштабъ, которымъ должны быть измѣряемы все явленія общественной жизни.

Представителей христіанско-соціального направлення мы должны подраздѣлить на двѣ главныхъ

---

*) G. Cohn: „System der Nationalökonomie“. I (1885). 646—47 стр. Эта книга, какъ извѣстно, считается Standard Work этической политической экономіи. Въ ней авторъ ставитъ своей задачей (стр. VII) „изобразить въ систематическомъ цѣломъ то, что въ настоящее время разумѣется подъ политической экономіей, какъ этической наукой“.

группы: евангелическихъ и католическихъ социаль-политиковъ. И здѣсь Германія лишь повторяетъ то, что нѣсколько поколѣній тому назадъ начато передовыми западно-европейскими странами... Бѣльшимъ единствомъ и сравнительной ясностью отличается точка зрѣнія *соціальныхъ католиковъ*. Всѣ они берутъ исходнымъ пунктомъ неизмѣнное (матеріальное) естественное право, изъ котораго они выводятъ принципы каждаго социальнаго строя, а въ большинствѣ случаевъ также и форму самого этого строя. „Естественное право“ католиковъ получено путемъ откровенія и находятъ свое систематическое развитіе въ сочиненіяхъ католическихъ авторитетовъ, главнымъ образомъ, въ трудахъ Тома Аквинскаго.

Для характеристики этой ясной точки зрѣнія можетъ служить взглядъ католическаго социаль-политика барона фонъ-Гертлинга, который въ уже цитированной выше книгѣ *) говоритъ на эту тему слѣдующее: „Соціальная политика, лишенная руководства въ видѣ неизмѣнныхъ принциповъ нравственности и права, необходимо поведетъ къ заблужденію“ (стр. 7). „Признаніе коренящагося въ природѣ и потому разъ навсегда даннаго права, совершенно изолированнаго отъ всѣхъ вліяній общественнаго развитія..., составляетъ основу твердой и сознательной социальной политики (21); содержаніе этого естественнаго права вытекаетъ изъ божественнаго плана всего міра“ (36). Наиболѣе отчетливо эта точка зрѣнія формулирована социальными католиками Италіи, гдѣ ихъ умы руководятъ

---

*) *Naturrecht und Sozialpolitik* (1893).

ся моимъ уважаемымъ первымъ учителемъ Джузеппе Тониоло въ Пизѣ,—необыкновенно свѣтлой головой. Для доказательства я позволю себѣ привести кое-что изъ итальянской католическо-соціальной литературы. Программа „католиковъ противъ социализма“ выработана Тониоло въ 1894 г. Между прочимъ, въ ней говорится: „Необходимо постоянно имѣть въ виду, какъ высокій и свѣтлый идеалъ, какъ высшую и конечную цѣль нашихъ стремлений, возстановленіе прекраснаго и незыблемаго зданія *христіанско-католическаго соціального порядка* съ его вѣчными творческими принципами, возвышенными идеалами, несокрушимыми основами и чудеснымъ историческимъ развитіемъ“ *).

Ходъ мыслей программы и всѣхъ обосновывающихъ ее сочиненій таковъ: на основѣ вѣчнаго идеала требуется водвореніе *опредѣленнаго* соціального строя; законы этого порядка систематизированы и разъяснены въ *Corpus juris canonici*. Водвореніе *опредѣленнаго* соціального строя необходимо: во-1-хъ, какъ цѣль, потому что христіанство, одобряя одни соціальныя отношенія, осуждаетъ другія (напр., противорѣчіе интересовъ), и, во-2-хъ, какъ средство, такъ какъ *опредѣленный* соціальный строй является лучшей, чѣмъ другіе, гарантіей роста христіанскаго сознанія. Слѣдовательно,

---

*) *Rivista internazionale di Scienze sociali*. Vol. VI (1894), pag. 172. Для уясненія точки зрѣнія этой программы могутъ служить статьи: *Enrico Costanzi* — „La restaurazione cristiana ed il problema sociale“. *Toniolo* — „La legislazione cristiana“. Его же — „La protesa evoluzione sociale della chiesa“ — всѣ въ томъ же журналѣ.

предстоитъ „реставрація общества“ въ духѣ христіанства. Соціально-политическому идеалу отводится совершенно подчиненная роль по отношенію къ религіозному. Слова другого католическаго писателя—М. де-Вогюэ—могутъ служить, какъ motto этого направленія: „Изъ всѣхъ центровъ моральной силы, которые намъ извѣстны, лишь одна церковь достаточно сильна для того, чтобы дать элементы соціальнаго возрожденія. Лишь она одна имѣетъ право и способность возвѣщать истинные законы общежитія“ *). Далекое не такъ однородно и ясно мнѣ точка зрѣнія представителей евангелическо-соціальнаго направленія...

Всего болѣе приближается къ католическо-соціальной точкѣ зрѣнія Тодтъ. Онъ имѣлъ въ виду дать „изображеніе соціальнаго содержанія христіанства и соціальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи изслѣдованія Новаго Завѣта“. Тодтъ смотритъ на евангеліе не только какъ на основу и исходную точку всей евангелическо-соціальной реформаторской идеи, а надѣялся вывести изъ него основы новой общественной организаціи, какъ двѣ капли воды похожей на „соціальное государство“. Принципіальное тождественное воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ евангелическо-соціальной программѣ 1893 года. Противъ него именно возстаетъ новая фракція христіанскихъ соціалистовъ. Гере признаетъ особенной заслугой Штекера то, что онъ избѣгалъ всякой попытки „развить новую программу непосредственно изъ нравственнаго, религіознаго и соціальнаго содержанія библіи“.

---

*) „Revue des deux MoSdes“, XI, 1892.

и считаетъ заблужденіемъ взгляды, что можно со-
здать „евангелическую теорію и практику хозяй-
ства“. Слѣдовательно, біблія вовсе не служить ар-
сеналомъ для этихъ реформатскихъ плановъ. Что
же должно замѣнить ее? До сихъ поръ на это нѣтъ
достаточно яснаго отвѣта. Не почерпаютъ ли „мо-
лодые“ христіанскіе социалисты стремленіе „къ со-
ціальнымъ реформамъ въ обширномъ масштабѣ,
направленнымъ ко благу всѣхъ малыхъ и стра-
ждущихъ“ *), изъ ученій христіанства? Читая ихъ
журналь „Hilfe“ или припоминая заключительныя
главы книги Гере: „Drei Monate Fabrikarbeiter“,
гдѣ Гере вручаетъ евангелическо-соціальному кон-
грессу оружіе „этики евангелія“ и возводитъ кон-
грессъ въ рангъ „соціально-этической инстанціи“,
можно придти именно къ этому заключенію. Но
опять-таки тотъ же Гере ставитъ Штекеру въ за-
слугу, что его программа построена на чисто по-
литическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ сооб-
раженіяхъ по даннымъ экономической науки, безъ
непосредственнаго отношенія къ Писанію. Откуда
же берутся идеаль и программа новаго евангели-
ческо-соціальнаго движенія, что служить масшта-
бомъ реформъ, къ которымъ оно стремится: ученіе
евангелія, катедеръ-соціалистическая этика, или же
что-либо иное?

Предпринятое пасторомъ Гере въ его новой
книгѣ **) разграниченіе „соціально-этического“ и
„соціально-политического“ направленія тоже мало

---

*) „Drei Monate Fabrikarbeiter“ (1891), стр. 221.

**) Evangelisch - Soz. Bewegung, стр. 56; ср. также стр.
102 сл.

уясняет дѣло. И послѣ того все еще спрашивается: чѣмъ же руководствуется „соціально-политическое“ направленіе? Его „исходной областью“ должно быть „главнымъ образомъ, простое христіанское сознаніе“ (стр. 175). Оно должно считаться „наряду съ положеніями соціальной этики“, „главнымъ образомъ съ экономическими фактами“, „принципами политической экономіи“ и т. д. Изъ него должна вырасти „христіански-справедливая, реформаторская партія всего мелкаго люда“ (стр. 176). А далѣе опять въ качествѣ „помощницы“ новой реформаторской партіи призывается „новая нѣмецкая политическая экономія“, въ честь которой, между прочимъ, поется при этомъ очень печальный хвалебный гимнь. Она стоитъ „исключительно на почвѣ экономической дѣйствительности“ (стр. 183) и выставляетъ свои „проекты реформъ, сообразно съ обстоятельствами“ (стр. 184). „И такъ какъ она—ея похвальная характерная особенность—насквозь проникнута этикой, то эти проекты реформъ еще болѣе обнаруживаютъ ея глубокое родство съ реформаторскими планами долженствующей возникнуть евангелическо-соціальной партіи реформъ“. Положимъ, что „наука“, будь даже это сама „новая нѣмецкая политическая экономія“, не можетъ дать идеаловъ политической дѣятельности, а лишь ея представители; на этомъ основаніи надо бы ожидать, что новая партія реформъ приметъ катедеръ-соціалистическіе идеалы. Но противъ этого опять говорятъ разсужденія на стр. 186, гдѣ проповѣдывается возвращеніе къ идеаламъ христіанства: партія должна быть истинно-христіанской. „И это въ томъ смыслѣ, что она будетъ самоотверженно стремиться къ тому,

чтобы осуществить и примѣнить въ экономической и социальнo-политической жизни нашего народа все нравственное и религіозное содержаніе христіанскаго ученія“. Въ прочно-установившіеся взгляды Гере, несомнѣнно, вкрался катедеръ-соціальный духъ и сдѣлалъ ихъ колеблющимися, неувѣренными. Христіанско-соціальный пасторъ вступилъ въ бракъ по расчету съ „этической политической экономіей“. Онъ чувствуетъ потребность обезпечить за потомствомъ по крайней мѣрѣ право собственной точки зрѣнія — „вѣру отца“. Но, по всей видимости, въ этомъ супружествѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ женѣ. Въ общемъ, картина представляетъ мало отраднаго. Можетъ быть, мои послѣдующія критическія замѣчанія внесутъ нѣкоторый свѣтъ въ эту темную исторію.

Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, упомянемъ еще о новыхъ претендентахъ на господство въ царствѣ социальной политики — *гигиенистахъ расы*. Въ послѣднее время съ полнымъ правомъ былъ выдвинутъ вопросъ: не грозятъ ли современныя „гуманныя“ стремленія, въ особенности направленные къ защитѣ т. н. „слабыхъ“, физическимъ и умственнымъ вырожденіемъ нашей расы, что было бы равносильно началу конца всей человѣческой культуры. На основаніи такихъ соображеній выставляется положеніе, что „социальная политика“ прежде всего должна способствовать сохраненію и развитію „силы нашей расы“. Книги, трактующія объ этомъ вопросѣ, даютъ социаль-политику въ высшей степени интересный матеріалъ *).

*) Изъ новой литературы назовемъ: *John B. Haycraft* — „*Natürliche Auslese und Rassenverbesserung*“, 1895; *Dr. Al-*

Авторы будутъ, пожалуй, очень изумлены, если я припишу имъ стремленіе къ „идеаламъ“ тамъ, гдѣ они пытаются доказывать объективно. Но фактически дѣло идетъ именно ни о чемъ другомъ, какъ объ опредѣленномъ идеалѣ, который долженъ служить путеводной нитью соціальной политикѣ. Выяснить свое отношеніе къ этому по существу очень симпатичному направленію я смогу тамъ, гдѣ буду подробнѣе говорить вообще о „защитѣ слабыхъ“ въ соціальной политикѣ. Прежде всего необходимо отвѣтить на принципиальный вопросъ:

fred Ploetz—Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen, 1895; далѣе: *Pelman-Bonn*—Rassenverbesserung und natürliche Auslese. Centralblatt für allgem. Gesundheitspflege, 1896; *Otto Ammon*—Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 1895.

Къ сожалѣнію, естественно-научно образованнымъ авторамъ почти сплошь не достаетъ основательныхъ знаній въ области общественныхъ наукъ. Особенно чувствительно даетъ себя знать это полное отсутствіе политико-экономическихъ знаній у Отто Аммона, книга котораго, въ силу этого, теряетъ всякую цѣну. Если авторъ (стр. 9) хочетъ смягчить свой дилетантизмъ въ области соціологіи тѣмъ, что указываетъ на соціологовъ, какъ, напр., Шеффле, которые, въ свою очередь, были дилетантами въ естествознаніи, то онъ забываетъ при этомъ ту громадную разницу, что эти соціологи пользовались естественными науками лишь съ цѣлью аналогіи или какъ вспомогательными науками, главнымъ же полемъ своей дѣятельности избирали ту спеціальность, въ которой они кое-что смыслили. Аммонъ, наоборотъ, хочетъ осчастливить насъ теоріями въ области соціальныхъ наукъ, не будучи достаточно знакомъ съ предметомъ. Мнѣ неизвѣстно такого случая, когда бы политико-экономъ указывалъ новые пути естествознанію и, скажемъ къ примѣру, безъ знанія дарвинизма принялся за выставленіе естественно-научныхъ теорій. А такъ именно поступаетъ Аммонъ въ области общественныхъ наукъ.

можетъ ли расовая гигиена, религія или этика и вообще какая-либо отдѣльная дисциплина удовлетворительнымъ образомъ намѣчать цѣли соціальной политики, согласны ли мы признать чуждое владычество въ сферѣ соціальной политики, или желаемъ возвратить ей автономію? *)

IV.

На поставленный выше вопросъ я здѣсь же, напередъ, отвѣчаю слѣдующимъ образомъ: *я считаю ошибочнымъ господствующій взглядъ, что соціальная политика должна заимствовать свои руководящіе идеалы изъ чуждыхъ ей дисциплинъ и, наоборотъ, требую автономности соціально-политическаго идеала.*

Обоснованіе этой точки зрѣнія необходимо распадается на двѣ части; въ первой я постараюсь доказать, что, будучи возможнымъ, господство чуждыхъ идеаловъ въ области соціальной политики не

---

*) На этотъ разъ я не намѣренъ входить въ разборъ взглядовъ, представителемъ которыхъ въ послѣднее время явился Максъ Веберъ въ его фрейбургской вступительной лекціи „Die Nationalität und die Volkswirtschaftspolitik“ (Freiburg. 1895), согласно которымъ путеводною звѣздой экономической политики должна служить идея національнаго могущества. Пока мы имѣемъ дѣло лишь съ бѣгло высказанной мыслью, требующей подробнаго обоснованія. Вообще же я думаю, что точка зрѣнія Вебера, именно въ критикѣ господствующихъ ученій и въ общихъ результатахъ изслѣдованія, очень близко совпадаетъ съ моими взглядами. Общимъ является то, что мы оба апеллируемъ къ экономически сильному. Нѣкоторые пункты разногласій, поскольку они не выясняются моими слѣдующими разъясненіями, дадутъ пріятный поводъ къ обсужденію этого вопроса въ другой разъ.

необходимо и его можно избѣжать, а во второй— что хотя оно и возможно, но не цѣлесообразно.

1) *Зависимость социальной политики не представляет необходимости.*

Многіе социальныя теоретики держатся того мнѣнія, что заимствованіе цѣлей социальной политики извнѣ, т. е. чуждое господство въ этой области, является неизбѣжнымъ. Этотъ взглядъ, хотя и въ существенно различныхъ формахъ, мы находимъ столь же распространеннымъ среди расовыхъ гигиенистовъ, какъ и у представителей христіанско- или этически-соціального направленія. Разсмотримъ же, поскольку основательны аргументы, приводимые въ защиту этого взгляда.

Какъ мы видѣли, расовые гигиенисты сплошь— люди съ естественно-научнымъ образованіемъ. Отсюда понятна ихъ склонность возводить опредѣленный порядокъ общественныхъ отношеній, напр., тотъ, который, по ихъ мнѣнію, наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ расовой гигиены, въ санъ „естественной законосообразности“, въ стремленіи къ осуществленію расово-гигиеническаго идеала видѣть нѣчто само собою понятное, стоящее выше всякихъ сомнѣній и споровъ. Такой взглядъ страдаетъ неясностью. Нѣтъ какого-то общественнаго порядка „на естественной основѣ“, существующаго въ силу закона природы. Кто до сихъ поръ не увѣрился въ этомъ, тому достаточно прочесть, напр., книгу Отто Аммона, о которой мы уже упоминали выше. Тамъ каждый „естественный“ или необходимый общественный порядокъ основательно приводится къ абсурду. Да и кто могъ бы удержаться отъ смѣха, узнавъ, что въ такомъ „на за-

конѣ природы“ покоящемся обществѣ, какъ его необходимые элементы, фигурируютъ, между прочимъ, крупные торговцы, наемные рабочіе и рентьеры *).

Это напоминаетъ худшія времена незрѣлой, хвалебной „вульгарной экономіи“, которыя мы должны бы ужъ пережить теперь. Впрочемъ, мнѣ кажется, что авторъ названной книги думалъ сказать не такую бессмыслицу, какъ онъ сказалъ. Можетъ быть онъ хотѣлъ только выразить мысль, что существующій порядокъ нашего общества построенъ въ приблизительномъ соотвѣтствіи со способностями живущихъ въ немъ людей, — мысль, отстаиваемую также Шмоллеромъ и о которой можно еще разсуждать. А чудовищная идея объ „естественной законосообразности“ биржи и рентьеровъ находится внѣ круга предметовъ обсуждения для каждаго философа общественности, не живущаго въ состояніи полнѣйшей невинности.

Но и положеніе, что идеаль расовой гигиены, т. е. благосостояніе рода, *обязательно* при всѣхъ условіяхъ долженъ быть поставленъ впереди всѣхъ другихъ, какъ это, повидимому, принимаетъ, напр., Альфредъ Плётцъ въ его книгѣ, — я считаю недоказаннымъ предположеніемъ. Прежде всего, „благо рода“ не есть цѣль высшаго порядка по сравненію съ какою-либо діаметрально-противоположною, напр., счастьемъ индивидуума. При извѣстныхъ условіяхъ одинъ идеаль приходитъ въ конфликтъ

*) См. стр. 42 и 45. А на стр. 281 читаемъ: „Въ послѣднемъ счетѣ покоится... капиталистическій способъ производства (NB. о сущности котораго Отто Аммонъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія) на законѣ природы“ (!).

съ другимъ, какъ это пыталось уже изобразить чуткое художественное творчество,—напр., Гергартъ Гауптманъ въ его первомъ произведеніи,—и уже сила аргументовъ рѣшаетъ побѣду того или другого идеала. При этомъ я не хочу оспаривать возможности, что идеаль расовой гигиены можетъ доказать свое первенство предъ всѣми другими, напр., также и предъ социальнымъ идеаломъ, поскольку его осуществленіе является *conditio sine qua non* къ достиженію какихъ-либо другихъ цѣлей, о чемъ будетъ еще говорено далѣе. Но я имѣлъ въ виду и оспаривалъ не эту необходимость, которая была бы равносильна практической потребности, а необходимость, желающую казаться естественной законосообразностью. Лишь противъ этой послѣдней направлялась пока моя полемика.

Мнѣніе, что социальная политика должна ориентироваться согласно заимствованному извнѣ идеалу, т. е. признаніе необходимости чуждаго господства идеала въ области социальной политики, раздѣляется, повидимому, и католическо-социальной партией. Только она обосновываетъ эту необходимость совершенно другимъ образомъ: она апеллируетъ къ вѣрѣ, которая лишь и можетъ привести къ предположенію о неизмѣнномъ естественномъ правѣ въ духѣ католическаго ученія. Я уже раньше указывалъ на то, что точка зрѣнія социальныхъ католиковъ отличается большою ясностью и опредѣленностью, какъ и всѣ ученія замѣчательной въ этомъ отношеніи школы иезуитовъ.

Съ признаніемъ собственного достоинства восклицаетъ упомянутый нами Тониоло *): „Какая науч-

*) *La pretesa evoluzione sociale della chiesa*. Riv. intem. VI. 29.

ная школа или какая социальнo-реформаторская партія въ состояніи выставить болѣе ясную и многообѣщающую программу, гарантированную опытомъ исторіи?“ Соціальные католики, дѣйствительно, имѣютъ точку опоры, исходя отъ которой они могутъ строить планъ переустройства общественнаго порядка въ опредѣленномъ направленіи. Конечно, для этого необходимо одно предварительное условіе — именно вѣра въ божественность того „естественнаго“ порядка общества, осуществленіе котораго должно быть цѣлью. Католическо-соціальная теорія безсильна тамъ, гдѣ это условіе отсутствуетъ. Наука можетъ лишь констатировать это. Вступать въ полемику о конечной цѣли соціальнаго католицизма она не можетъ.

Наоборотъ, по существу научными аргументами борются этическо-соціальные политико-экономы, къ которымъ безъ всякихъ сомнѣній мы можемъ причислить и представителей евангелическо-соціальнаго направленія. Поэтому, если они видятъ необходимость этическаго идеала въ соціальной политикѣ, то мы можемъ прилагать къ ихъ доказательствамъ масштабъ научной критики. Къ сожалѣнію, здѣсь въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуетъ благодѣтельная опредѣленность воззрѣній, свойственная католикамъ. Посмотримъ же, что можно установить на основаніи болѣе ясно выраженныхъ мнѣній этической школы?

Поскольку можно судить, поводомъ къ „этизированію“ соціальной политики послужили, главнымъ образомъ, два соображенія. Первое изъ нихъ — что экономическая дѣятельность также подлежитъ этической оцѣнкѣ. Для специалиста достаточно напо-

мнить хотя бы споръ между Ласономъ и Шмоллеромъ о „нравственномъ характерѣ“, присущемъ дѣятельности вбиванія гвоздя. Шмоллеръ полагалъ тогда, что и при этомъ должно быть дано мѣсто этическимъ соображеніямъ. Или припомнимъ слова Густава Кона *) о „любимой манерѣ исключать экономическую дѣятельность изъ области этики“ и „выводимой отсюда независимости эгоизма“. Впрочемъ, взгляды „этической“ политической экономіи настолько извѣстны, что ихъ подробное изложеніе здѣсь излишне.

Второе соображеніе, которое повело къ узурпации соціально-политической области этикой, состоитъ въ томъ, что процвѣтаніе экономической жизни или, какъ обыкновенно выражаются, возможно-обильное производство богатствъ не можетъ быть конечною цѣлью человѣческихъ стремленій и что, напротивъ, сами экономическіе успѣхи должны быть лишь средствомъ къ цѣли — существованію, „достойному человѣка“, съ точки зрѣнія этики. Этотъ порядокъ идей тоже знакомъ каждому, кто нѣсколько начитанъ въ политико-экономической литературѣ послѣднихъ десятилѣтій. Онъ происходитъ отъ Сисмонди и Карлейля и въ полной чистотѣ встрѣчается снова въ новѣйшемъ сочиненіи этической политической экономіи, много разъ упоминавшейся книгѣ Штамлера, гдѣ опять повторяется, что „производство“ не можетъ быть „основнымъ явленіемъ“, „не можетъ представить безусловной конечной цѣли соціальной жизни“ и т. д. Откуда съ видимой послѣдовательностью умозаклю-

---

*) System, I. 384.

чается: значить, въ соціальной политикѣ надо руководствоваться не ея собственнымъ, а высшимъ идеаломъ—этическимъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи мы находимъ, что эта дедукція основана на ложномъ умозаключеніи. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій можно принять объ посылки этиковъ. Конечно, было серьезной ошибкой старой школы объявить экономическую дѣятельность индифферентной въ нравственномъ отношеніи. Не надо было особаго глубокомыслія, чтобы видѣть поверхность этого взгляда. Немного философской подготовки было достаточно, чтобы раскрыть это очевидное недоразумѣніе.

Само собою разумѣется, что человекъ, какъ нравственное существо, представляетъ неразрывное цѣлое, которое не можетъ въ одной сферѣ его дѣятельности подлежать нравственной оцѣнкѣ, а въ другой — нѣтъ. Понятно само собою, что и самыя незначительныя дѣйствія, чисто-техническая операція съ гвоздемъ также составляютъ элементъ всей совокупности дѣйствій нравственной индивидуальности. Одержать побѣду должна была „этическая“ политическая экономія и въ критикѣ торгашескаго идеала прежней, буржуазной экономіи.

Ужъ слишкомъ грубо было стремленіе этого направленія политической экономіи, заклеименнаго Сисмонди названіемъ „хрематистики“ (искусства разбогатѣть), низвести идеаль челоуѣчества на уровень идеала американскаго свиновода. Можно было даже обойтись безъ тяжелой артиллеріи кантовской этики, чтобы поколѣнію, менѣе погрязшему въ кругѣ понятій Lombard Street, доказать чудовищность слѣдствій „производительнаго иде-

ала“: желаніе сдѣлать людей, а именно рабочихъ, средствомъ къ достиженію матеріальныхъ цѣлей—массы производимыхъ богатствъ; хотя, конечно, эта точка зрѣнія и не была такъ „безчеловѣчна“, какъ ее теперь представляютъ. „Конечная цѣль“ и тамъ была „гуманна“—не бездушная масса богатствъ, а вполнѣ жизненные карманные интересы класса предпринимателей представляли „безусловную конечную цѣль соціальной жизни“. Это все-таки надо упомянуть въ защиту чести старой буржуазной экономіи.

Но что доказываетъ все это по вопросу: должна ли соціальная политика заимствовать идеаль у этики? Мнѣ кажется—ровно ничего. Иначе какъ же? Значить идеалы всѣхъ нашихъ дѣйствій должны быть этическими, если всѣ дѣйствія человѣка подлежатъ этической оцѣнкѣ? Или во всѣхъ сферахъ нашей дѣятельности должны господствовать этическіе мотивы потому, что наша конечная цѣль можетъ быть нравственной? Совершенно нѣтъ. Наоборотъ, считается само собою понятнымъ, что въ отдѣльныхъ сферахъ нашей дѣятельности господствуютъ особые идеалы и только экономическая область почему-то непременно должна оставаться въ зависимости отъ этическихъ соображеній. Можетъ быть, врачъ лѣчить больного съ этической точки зрѣнія? Или гигиенистъ дѣйствуетъ сообразно предписаніямъ этики? Ихъ идеаломъ служить нормально-функционирующій организмъ человѣка, который въ свою очередь, конечно, является носителемъ нравственныхъ идей и можетъ не быть абсолютной конечной цѣлью человѣческихъ стремленій; но для нихъ онъ представляетъ единственную руководящую нить ихъ искусства.

А если дѣятельность врача и гигиениста захотятъ причислить къ животной области, чтобы этимъ объяснить не-этическій характеръ ихъ идеаловъ, то спрашивается: художникъ творить, ученый изслѣдуетъ, руководствуясь этическими принципами, или нѣтъ?

Не находятъ ли оба руководящій идеаль въ ихъ собственной сферѣ дѣятельности?

Не господствуетъ ли въ искусствѣ идеаль красоты, а въ наукѣ—идеаль истины?

Оба идеала не „этичны“—и все-таки служатъ идеалами духовной человѣческой дѣятельности.

Итакъ;—что и требовалось доказать:—сколь несомнѣнно, что каждое экономическое, даже каждое техническое дѣйствіе и дѣйствіе врача, художника или ученаго могутъ быть подвергнуты нравственной оцѣнкѣ, столь же мало основаній экономическимъ результатамъ, какъ и всякимъ другимъ частнымъ результатамъ человѣческой дѣятельности, быть конечными цѣлями нашего существованія; совершенно невозможно допустить, что уже этимъ однимъ будто бы доказывается необходимость построенія экономической жизни на этическихъ основахъ, навязыванія соціальной политикѣ идеала, заимствованнаго изъ этики. *Возможность* особаго соціально-политическаго идеала должна существовать при всѣхъ условіяхъ. Конечно, съ другой стороны, такимъ же образомъ уже господствующее направленіе доказываетъ *возможность* этическаго идеала для соціальной политики.

Поэтому намъ остается еще привести другую часть защиты автономности соціально-политическаго идеала, въ которой будетъ доказано, что, если за-

висимость даже и возможна, то все-таки она не-цѣлесообразна.

2) *Чуждое господство въ соціальной политикѣ не-цѣлесообразно.*

Важнѣйшее требованіе, которое должно быть исполнено руководящимъ идеаломъ какой-либо отрасли политической дѣятельности, заключается, по-моему, въ слѣдующемъ: быть вѣрнымъ, надежнымъ и недвусмысленнымъ, чтобы всегда служить политику для несомнѣннаго указанія пути.

Какъ маякъ, который изъ нѣсколькихъ, а не изъ одной неподвижной точки испускаетъ лучи хорошо извѣстнаго свѣта, причинилъ бы кораблю, вмѣсто спасенія, гибель, такъ и политику грозить серьезная опасность отъ идеала, который, на подобіе блуждающаго огонька, лишень спокойствія и постоянства свѣтильника, указывающаго путь. А именно такими кажутся мнѣ этическо-соціальный и христіанско-соціальный идеалы, какъ руководящія нити соціальной политики.

Прежде всего мы спрашиваемъ: даютъ ли этическія и религіозныя соображенія *внѣ* экономической жизни точку опоры, изъ которой эта жизнь можетъ быть направляема? Хотя нѣкоторые представители этихъ міровоззрѣній и утверждаютъ это, но мы знаемъ уже, какимъ путемъ можно достигнуть того „неподвижнаго полюса въ потокѣ явленій“: путемъ безусловной, чистой вѣры въ пред-установленную гармонію. Но хотимъ ли, можемъ ли мы хоть одну важную сферу человѣческо-практической дѣятельности ставить въ зависимость отъ этого требованія? Я думаю, что никто внѣ тѣснаго круга строго-вѣрующихъ католиковъ не захотѣлъ

бы построить здание современной социальной политики на таком неустойчивомъ фундаментѣ. По меньшей мѣрѣ, пришлось бы всеѣмъ несогласно мыслящимъ заново искать руководящій принципъ ихъ социально-политической дѣятельности. А главное, такъ какъ правительства современности и, вѣроятно, также ближайшаго будущаго, не сдѣлаются приверженцами ортодоксальной католической-социальной точки зрѣнія, то для практической жизни этимъ ничего бы не выигрывалось.

Сказанное относится къ тому, что называютъ „материальнымъ“, естественнымъ правомъ, т. е. такимъ, которое заключаетъ въ себѣ конкретныя формы социального порядка. Гдѣ естественное право—какъ, напр., у Штамлера—сводится къ чисто формальному принципу „руководящей идеи“, тамъ главнымъ сомнѣніемъ является то, что такой принципъ совершенно не даетъ годнаго къ употребленію руководства для практическихъ политическихъ мѣропріятій, о чемъ будетъ еще сказано ниже.

Охарактеризованныя выше точки зрѣнія, которыя можно назвать абсолютными, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одно преимущество—хотя и непригодной, но твердой руководящей основы. Наоборотъ, все тѣ этическія системы, которыя признаютъ измѣняемость основъ нравственности въ различные періоды времени, можно сравнить съ кораблемъ, несущимся по теченію. Въ противоположность къ абсолютнымъ, ихъ можно назвать относительными.

Теперь спрашивается—что могутъ дать они для сколько-нибудь вѣрнаго направленія социальной политики? Экономическая жизнь должна быть „этизирована“, приведена въ соотвѣтствіе съ требова-

ніями законівъ нравственности. Но подъ вліяніемъ чего вырабатываются наши понятія о нравственно-дозволенномъ и запрещенномъ? Они представляютъ „осадокъ“ всего бытія въ данную эпоху,—говорять этики. Но это, во всякомъ случаѣ, не значитъ, чтобы мы представляли ихъ упавшими съ неба; это противорѣчило бы основамъ міровоззрѣнія еволюціонистовъ-этиковъ. Слѣдовательно, мы должны заключить, что они представляютъ результатъ всѣхъ условій существованія челоуѣчества въ данное время, будетъ ли ихъ возникновеніе разсматриваться съ теологической или какой другой точки зрѣнія.

Я совершенно не хочу разсматривать здѣсь колоссальную проблему о генезисѣ нравственныхъ представленій. Но со мной навѣрное согласятся, что къ числу факторовъ, которые именно по воззрѣніямъ современной еволюціонистской этики играютъ громадную роль въ образованіи нравственныхъ понятій, принадлежитъ экономической. Если изъ условій окружающей среды должны быть объяснены измѣненія того, что мы по существу считаемъ нравственно-дозволеннымъ или запрещеннымъ, то, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ этой среды, безспорно должна быть принята во вниманіе организація экономической жизни, хотя такой взглядъ и не обязываетъ еще къ признанію такъ наз. „матеріалистическаго“ пониманія исторіи. А захотятъ послѣдователи относительной этики, говорящіе объ „осадкѣ нравственныхъ идей“, отрицать эту зависимость, такъ мы покорнѣйше просимъ ихъ сказать намъ прежде всего, откуда же еще долженъ получиться этотъ „осадокъ“? Итакъ, про-

повѣдники этическо-соціальныхъ взглядовъ, если они захотятъ обосновать свою точку зрѣнія съ ясностью, необходимою для выясненія вопроса, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто отсутствующею, то не смогутъ отрицать внутренняго противорѣчія своихъ воззрѣній, состоящаго въ томъ, что они прикладываютъ къ экономической жизни масштабъ, заимствованный изъ той самой экономической жизни, которую хотятъ измѣрять. Что это теоретическое противорѣчіе въ „этизированной“ соціальной политики сопровождается *опасными послѣдствіями въ практической жизни*, можетъ убѣдиться каждый, кто безпристрастно наблюдаетъ вліяніе „этической“ политической экономіи на хозяйственную жизнь. По своей природѣ это направленіе всегда экономически-реакціонно. Самый фактъ его возникновенія представляетъ реакцію противъ слишкомъ быстрого темпа экономического прогресса.

Капитализмъ создаетъ почти одновременно рабочее движеніе и „этическую“ политическую экономію или, что по существу равносильно, христіанскій социализмъ: во Франціи и Англійи около половины нашего вѣка, въ Германіи для поколѣнія нашихъ отцовъ, а въ Италіи, напр., теперь. Но въ то время, какъ рабочее движеніе выступаетъ прогрессивной силой, т. е. не стремится къ уничтоженію ни одного современнаго завоеванія высшихъ формъ экономической жизни, историческая миссія „этической“ политической экономіи состоитъ въ „задерживаніи“. Все совершается черезчуръ быстро, при этомъ бѣшеномъ темпѣ мы теряемъ весь нашъ культурный багажъ, „нравственное“ преобразованіе не поспѣваетъ за экономическимъ; старыя

испытанныя формы хозяйственной жизни, расадники покорности и порядка, патриархальных нравовъ и морали, должны быть предохранены отъ разрушительнаго вліянія промышленной революціи, слабые должны быть защищены, сильные укрощены—такъ звучатъ предостереженія „этической“ политической экономіи по адресу правительствъ. Основнымъ мотивомъ всѣхъ „этическихъ“ и большинства христіанскосоціальныхъ экономій является инстинктивный ужасъ предъ крупно-капиталистическимъ развитіемъ и симпатія ко всѣмъ формамъ мелкаго производства и ихъ носителямъ: мелкимъ крестьянамъ, мелкимъ ремесленникамъ, мелкимъ кустарямъ и т. д.

И это очень понятно; вѣдь, всѣ взгляды объ отвѣчающей требованіямъ этикѣ хозяйственной жизни могутъ вырастать, если не на капиталистической почвѣ, то лишь на почвѣ докапиталистической системы производительныхъ отношеній. На первой выросла этика или безнравственность „вульгарной экономіи“, вторая породила этическую и христіанско-соціальную политическую экономію, которая представляетъ, можно сказать, теоретическое выраженіе консервативной мелкой буржуазіи, какъ отдѣльныя формы проявленія социализма, напр., Прудона, являются теоретическимъ выраженіемъ прогрессивной мелкой буржуазіи. Попутно я хочу указать на то, какъ научный социализмъ, тоже признающій эволюціонную этику, совершенно логичнымъ образомъ отказался, при требованіи опредѣленной формы соціальнаго порядка, отъ ссылки на этическіе принципы, такъ какъ они всегда представляли бы лишь результатъ современности.

Для доказательства, какъ безпочвенно, неустойчиво и, слѣдовательно, сомнительно этизирование социальной политики, я хотѣлъ лишь иллюстрировать сказаннымъ опасныя послѣдствія этого для практической жизни.

„Этическая“ социальная политика по существу всегда реакціонна въ своихъ тенденціяхъ, что достаточно подтверждается историческимъ опытомъ.

Но она кроетъ въ себѣ еще одну, не менѣе серьезную, опасность для успѣшнаго развитія хозяйственной жизни, также присущую ей натурѣ. А именно—„этическая“ экономическая политика имѣетъ прирожденную тенденцію къ бессистемности, отсутствію строгаго плана, казуистикѣ, близорукому политиканству, эклектизму.

Этическіе и вѣроисповѣдныя социаль-политики—если мы исключимъ уже разобранную доктрину ортодоксальнаго католицизма—въ своей критикѣ общественнохозяйственной жизни никогда не приходятъ къ полному осужденію или одобренію данной экономической системы въ цѣломъ. Наоборотъ, они гордятся тѣмъ, что предпринимаютъ ихъ этическія и вѣроисповѣдныя оцѣнки „отъ случая къ случаю“. Такимъ путемъ они никогда не приходятъ, да съ ихъ точкой зрѣнія и не могутъ придти, къ опредѣленной системѣ экономической политики или, что равносильно этому, политикѣ хозяйственныхъ системы. У нихъ идетъ непрерывное зашишивание прорѣхъ и смягченіе золь—сегодня капитализма, завтра ремесла, послѣзавтра крестьянства, а тамъ крупнаго землевладѣнія, и въ результатѣ, конечно, получается хаосъ. Если въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ государствъ и какъ разъ тѣхъ,

въ которыхъ этическая національная экономія особенно процвѣтаетъ, экономическая политика современности слѣдуетъ зигзагообразному курсу, то я склоненъ немалую долю вины отнести на счетъ злосчастнаго подсахариванія соціальной политики всякаго рода этическими соображеніями.

Какъ опасенъ для экономическаго развитія можетъ быть этотъ, лишенный плана, ворчливый морализмъ, обнаруживается съ особенной ясностью тогда, когда его жертвой дѣлается одинъ изъ неизбежныхъ членовъ хозяйственной системы, существованіе которой въ цѣломъ не подвергается опасности. Такъ, напр., „нравственные“ возрѣнія многихъ „этиковъ“ легко мирятся съ фактомъ безчеловѣчной эксплуатаціи ремесленникомъ его учениковъ или юнкеромъ зависимой отъ него крестьянской бѣдности, но возмущаются срочными сдѣлками на биржѣ. Мигомъ устраняются сдѣлки на срокъ и другіе „злокачественные наросты“ капитализма подъ благовиднымъ предлогомъ этическихъ соображеній, за которыми въ большинствѣ случаевъ бывають скрыты реальные интересы, пышно разрастающіеся подъ этическимъ покровомъ. При этомъ почти не возбуждается вопросъ о взаимодействіи отдѣльныхъ учреждений, неразрывной связи ихъ съ данной системой экономическихъ отношеній. „Этики“ даже гордятся своимъ доктринерствомъ „отъ случая къ случаю“. Модная теперь травля на все, что зовется „торговлей“, характерна для принципиально-ложной точки зрѣнія этого рода критики: понятія о томъ, что „справедливо“, очерпаются ею изъ докапиталистическаго времени.

Тогда дѣйствительно торговля была второсте-

пеннымъ явленіемъ экономической жизни; „производительнымъ“ трудомъ было изготовленіе предметовъ непосредственнаго потребленія. И вотъ, теперь этотъ антикварный масштабъ отжившаго періода экономическихъ отношеній прилагають къ совершенно измѣнившимся условіямъ, на дурацкій манеръ различають „производительныя“ и „непроизводительныя“ сословія и пытаются возможно ограничить дѣятельность послѣднихъ, ссылаясь на вѣчныя истины этики и теологіи. Все это является совершенно естественнымъ послѣдствіемъ экономической политики, искаженной и сбитой на ложный путь „этикой“. Возраженіе, что выдающіеся „этическіе“ политико-экономы не раздѣляютъ лично всѣхъ этихъ заблужденій,—недѣйствительно потому, что въ основѣ такихъ заблужденій неоспоримо лежатъ проповѣдуемыя ими ученія. Можно сказать, что до сихъ поръ указанные недостатки, присущіе каждому этическо-соціальному идеалу,—преимущественно формальнаго характера: изъ смѣшенія причинной зависимости между экономической жизнью и нравственными понятіями слѣдуетъ неопредѣленность точки зрѣнія при оцѣнкѣ соціально-политическихъ проблемъ, отсутствіе планомѣрности и цѣлесообразности. Но заключительныя соображенія показали намъ, что эти теоретическіе промахи, эти органическіе недостатки могутъ имѣть очень серьезное значеніе и въ практической жизни. И соображеніе, что правильный выборъ соціально-политическаго идеала имѣетъ громадную важность для формированія всего культурнаго развитія въ извѣстномъ направленіи, является послѣднимъ и, пожалуй, наиболѣе вѣскимъ аргументомъ противъ

умѣстности етическихъ точекъ зрѣнія въ экономической, а въ особенности—соціальной политикѣ.

Здѣсь дѣло идетъ объ установленіи порядка относительной важности различныхъ сферъ человѣческой дѣятельности, скалы отдѣльныхъ стремленій, объ установленіи правильной послѣдовательности факторовъ нашего существованія.

При этомъ съ особой рѣшительностью должно быть констатировано, что, безспорно, первое мѣсто по важности занимаетъ экономическая жизнь, на томъ простомъ основаніи, что отъ ея цѣлесообразной организаціи зависятъ всѣ остальные проявленія человѣческаго существованія. Поставлю я цѣлью моихъ стремленій національное могущество, цвѣтушую и здоровую расу, покровительство хорошему, истинному и прекрасному, или я буду считать высшею цѣлью матеріальное наслажденіе,—во всѣхъ случаяхъ житейскія потребности моего земного несовершенства вынуждаютъ меня прежде всего устроить нормально-экономическую жизнь, т. е. поддерживать ее въ здоровомъ и цвѣтущемъ состояніи. При болѣзненности хозяйственнаго организма и всѣ остальные стремленія лишаются необходимой основы. Здѣсь наблюдается совершенно то же, что и въ индивидуальномъ организмѣ, гдѣ всѣ жизненные проявленія обусловливаются нормальнымъ функціонированіемъ тѣла. И вотъ, изъ этихъ, повидимому, столь элементарныхъ истинъ получаютъ важные выводы для рѣшенія поставленной нами задачи.

А именно, если какая-либо чуждая дисциплина, въ частности та же этика, стремится захватить привилегію на декретированіе правилъ организаціи

экономической жизни, *то это равносильно извращенію указанной нами „естественной“ послѣдовательности жизненныхъ проявленій человеческой дѣятельности.* Такое чуждое господство необходимо ведетъ къ подчиненію узурпированной области его волѣ, стремится къ первенству *его* цѣлей. Допущеніе господства этического идеала въ области соціальной политики равносильно признанію унаслѣдованныхъ отъ старины понятій „нравственно дозволеннаго“ границами, въ которыхъ лишь и можетъ вестись хозяйственная дѣятельность. Но этимъ производительныя силы заковываются въ такія цѣпи, которыя препятствуютъ успѣшному развитію экономической жизни. Не понятіе „нравственно“ должно ограничивать хозяйственную дѣятельность, а, наоборотъ, хозяйственные нужды образуютъ границы, въ предѣлахъ которыхъ нравственное можетъ быть осуществлено.

Это значитъ: мы должны въ общемъ принимать, какъ данныя, тѣ условія человеческого общежитія, которыя созданы требованіями успѣшной хозяйственной дѣятельности, и можемъ лишь стремиться къ тому, чтобы въ этихъ предѣлахъ осуществить требованія этики. Или, другими словами, мы должны стремиться привести въ соотвѣтствіе требованія этики съ требованіями экономического прогресса, на подобіе того, какъ либеральная этика новаго времени сознательно или безсознательно содѣйствовала ея выводами потребностямъ развивающагося капитализма.

Фактически всегда и вездѣ культурное развитіе и совершалось такимъ образомъ, что новая этика, соотвѣтствующая высшей формѣ экономическихъ

отношеній, вытѣсняла старую. А близорукіе историки какъ разъ изъ этого параллелизма экономики и этики поторопились сдѣлать выводъ, что, молъ, сама исторія свидѣтельствуесть о господствѣ послѣдней надъ первой, тогда какъ въ дѣйствительности примѣненіе этическихъ принциповъ къ экономической жизни лишь потому не вредило, что этика означала не что иное, какъ легкій тормазъ экономическаго прогресса. Очевидно, этика играетъ при этомъ лишь чисто декоративную роль и въ лучшемъ случаѣ является излишней для экономическаго развитія, которое находитъ свой путь и безъ этическихъ рельсовъ.

Проблема отношенія этики къ экономикѣ всегда пріобрѣтаетъ большое практическое значеніе лишь тамъ, гдѣ этика выступаетъ консервативной или реакціонной экономически. И въ такомъ случаѣ, разъ она пріобрѣтаетъ вліяніе, она, по-моему, дѣйствуетъ вредоносно. Въ предѣлахъ совершеннаго экономическаго порядка всегда будетъ возможно устроиться сообразно требованіямъ морали; наоборотъ, не только нравственно, а и вообще невозможно существовать, разъ прекратится экономическое развитіе,—если только мы не хотимъ покончить съ культурной жизнью. А это явилось бы не-обходимой жертвой стремленія задержать по „этическимъ“ соображеніямъ прогрессъ общества къ высшимъ экономическимъ формамъ. Лишь онѣ даютъ намъ возможность прокормить возрастающее населеніе, которое является основой современныхъ государствъ и культуры, условіемъ ихъ существованія.

Господа моралисты должны считаться съ этимъ

фактомъ. На то они и созданы, чтобы подыскивать *формы* нравственности, соотвѣтствующія необходимымъ экономическимъ переворотомъ. Здѣсь наблюдается отношеніе τὸ ζῆν къ τὸ εὔ ζῆν (физическаго существованія къ духовно-нравственной жизни) Аристотеля: безъ экономическаго прогресса прекращается τὸ ζῆν, а потому и τὸ εὔ ζῆν. И, слѣдовательно, все, что во имя εὔ ζῆν становится поперекъ дороги ζῆν, представляетъ явную опасность. Хочетъ этика приспособляться къ требованіямъ экономическаго прогресса, тогда хорошо, но въ такомъ случаѣ ея идеаль не нуженъ для соціальной политики,—а разъ она хочетъ противиться ему и въ противовѣсъ экономически-прогрессивному идеалу стремиться къ осуществленію идеала реакціоннаго, тогда она дѣйствуетъ вредоносно и попросту должна быть устранена.

V.

Вышеприведенныя разсужденія должны были доказать, что господство чуждаго идеала въ области соціальной политики совершенно не представляетъ необходимости, а кромѣ того вовсе нецѣлесообразно, потому что противъ него имѣются очень серьезныя возраженія теоретическаго и практическаго характера. Теперь остается изслѣдовать другой вопросъ: возможенъ ли автономный соціально-политическій идеаль и каковы должны быть въ общемъ его основы, чтобы онъ могъ отвѣчать справедливымъ требованіямъ?

Мы охарактеризуемъ сущность самостоятельнаго

политическаго идеала, а тѣмъ самымъ и здоровой соціальной политики, въ двухъ отношеніяхъ: формальномъ и матеріальномъ.

Для *формальнаго построенія соціальной политики* могутъ быть выставлены слѣдующія основныя положенія:

1) Соціальная политика *всеобща* въ томъ смыслѣ, что она равномѣрно охватываетъ всѣ отрасли хозяйственной жизни. Имѣя объектомъ принципиальное упорядочиваніе экономическихъ отношеній, ихъ формированіе въ опредѣленную систему и желая быть сознательной и ясной, соціальная политика не можетъ дѣйствовать иначе, какъ по единому плану, вліяя на всѣ стороны хозяйственной жизни сообразно руководящимъ началамъ. Данная цѣль въ области торговой политики необходимо требуетъ совершенно опредѣленнаго направленія промышленной и аграрной политики. Не подвергаясь упреку въ отсутствіи плана и опредѣленнаго курса, нельзя одновременно держаться реакціонной промышленной политики и прогрессивнаго направленія въ области торговой политики. Въ каждой области хозяйственной жизни, въ каждой сферѣ экономической дѣятельности примѣнима соціальная и личная политика. Эта послѣдняя можетъ и не быть планомѣрной, тогда какъ соціальная политика можетъ быть цѣлесообразной лишь при условіи ея планомѣрности и единства. Говорить объ „аграрной, промышленной и торговой политикѣ“ наряду или въ противоположность къ соціальной политикѣ—безсмыслица, неопровержимо доказывающая, что грѣшачіе въ этомъ отношеніи вообще не имѣютъ яснаго представленія о пред-

метѣ. Гдѣ же обитаетъ это призрачное существо „соціальная политика“, если не въ названныхъ трехъ сферахъ хозяйственной жизни? Итакъ, схема не такова: 1) аграрная, 2) промышленная, 3) торговая, 4) соціальная политики, а представляется въ слѣдующемъ видѣ: I. Индивидуальная политика, II. Соціальная политика: а) аграрная, б) промышленная, в) торговая.

2) Но изъ необходимой общности и единства соціальной политики слѣдуетъ, что всякая сознательная, цѣлесообразная соціальная политика неизбежно должна быть классовой. Высказывая это мнѣніе, я снова прихожу въ рѣзкое противорѣчіе со взглядомъ, господствующимъ въ теоріи, которая учитъ, что задача мудрой политики, заключающаяся именно въ примиреніи выступающихъ въ обществѣ классовыхъ противорѣчій и охраненіи „общихъ интересовъ“ государства. Какъ примѣры господствующихъ мнѣній такого рода, я приведу хотя бы слѣдующія:

Либеральное мнѣніе — Гольцендорфъ „Принципы политики“ (298—99 стр.): „Сущность культурной работы государства заключается въ „сохраненіи общественнаго, въ особенности экономическаго и вѣроисповѣднаго мира“. „Въ общемъ сущность государственной культуры надо видѣть преимущественно въ сосуществованіи различныхъ общественныхъ классовъ“.

Католическое мнѣніе — Гертлингъ „Естественное право и соціальная политика“ (4—5 стр.): „Законодательство и государственное управленіе ни въ коемъ случаѣ не должно руководиться односторонними интересами какого-либо слоя населенія, класса

или сословія, а удовлетворять справедливымъ требованіямъ всѣхъ, стремиться къ соглашенію противоположныхъ интересовъ съ точки зрѣнія общаго блага. Именно въ этомъ состоитъ задача соціальной политики въ дѣйствительномъ и общемъ значеніи этого слова. Она заключается въ руководствѣ, поддержкѣ и соглашеніи государствомъ различныхъ круговъ общества въ интересахъ государственнаго общежитія“.

Катедеръ-соціалистическое мнѣніе, какъ само собою вытекающій выводъ изъ любезнаго ученія о „sozialem Königtum“—*Шмоллеръ* „Соціальный вопросъ и прусское государство“: „Какъ раньше въ двухсотлѣтней борьбѣ королевской власти удалось спасти (!) третье сословіе—бюргерство и крестьянство—и примирить ихъ съ господствовавшими прежде классами, такъ въ XIX вѣкѣ она должна примирить споръ четвертаго сословія съ остальными классами, снова гармонически сочетать четвертое сословіе съ государственно-общественнымъ организмомъ“.

Итакъ, я, въ противоположность этому, полагаю, что всякая сознательно-цѣлесообразная соціальная политика необходимо должна быть классовой политикой, и притомъ въ двоякомъ смыслѣ.

Соціальная политика должна быть классовой прежде всего потому, что она распространяется на опредѣленный соціальный классъ, а не на произвольно созданныя категории лицъ въ родѣ всѣхъ „маленькихъ людей“ и тому подобныхъ нелѣпыхъ группъ. Это слѣдуетъ изъ моего опредѣленія понятія соціальной политики. Но она имѣетъ классовой характеръ и въ томъ смыслѣ, что можетъ

преслѣдовать не „общіе интересы“, а всегда лишь интересы отдѣльныхъ классовъ. Въ доказательство этой мысли приведу слѣдующее: общіе интересы общежитія, въ данномъ случаѣ государства, существуютъ лишь по отношенію къ другимъ общежитіямъ, слѣдовательно только внѣ, а не внутри его. Существованіе, достоинство и могущество государства можетъ быть представляемо равномѣрно для всѣхъ гражданъ во внѣшней національной политикѣ (хотя этого можетъ и не быть: національная политика очень легко можетъ совпадать съ классовой политикой). Внутренняя жизнь государства, наоборотъ, характеризуется разнородностью интересовъ, которая на извѣстномъ пунктѣ неизбѣжно приходитъ къ противоположности интересовъ, для которыхъ не существуетъ примиренія.

Противоположность интересовъ основывается на несовмѣстимости между собою различныхъ системъ хозяйства, напр., ремесленного производства для мѣстнаго рынка и развитой капиталистической промышленности. „Примиреніе“ или „соглашеніе“ интересовъ, связанныхъ съ каждой изъ этихъ хозяйственныхъ системъ, очевидно, было бы мыслимо лишь въ такой формѣ, что между ними было бы восстановлено подвижное равновѣсіе напр., чрезъ отграниченіе каждой изъ нихъ надолго опредѣленной сферы дѣятельности. Но такого рода конструкція была бы фантастична, т. е. лишена реального основанія. Она не считается съ фактомъ, что экономическая жизнь находится въ процессѣ непрерывныхъ переворотовъ, что, въ особенности въ наше время, капитализмъ имѣетъ тенденцію къ распространенію и неограниченному господству. А переворотъ всегда

можетъ совершаться лишь такъ, что новое положеніе развивается на счетъ отживающаго: „гдѣ одно занимаетъ мѣсто, тамъ другое должно отодвинуться“.

Разъ только въ сохраненіи даннаго положенія заинтересована извѣстная группа лицъ, что всегда имѣеть мѣсто, то переворотъ совершается къ ихъ невыгодѣ. Очень можетъ быть, что опредѣленное экономическое развитіе, напр., въ направленіи капитализма, необходимо и желательно для сохраненія внѣшняго могущества даннаго общезитія или для существованія теперешняго и будущихъ поколѣній живущихъ въ немъ людей, что поэтому, напр., промышленная политика должна быть направлена къ развитію капитализма. Но что этимъ будутъ преслѣдоваться „общіе интересы“—по меньшей мѣрѣ неясное выраженіе. Вѣдь при этомъ необходимо будутъ нарушены интересы вытѣсненныхъ капитализмомъ ремесленниковъ, которые, несомнѣнно, желаютъ, чтобы *ихъ* интересы тоже были включены въ „общіе интересы“, такъ же, какъ этого желаетъ извозчикъ, если желѣзная дорога отрѣзываетъ ему жизненную нить, или мелкій лавочникъ, котораго давитъ большой магазинъ.

А въ то же время очевидно, что, преслѣдуя одновременно сохраненіе и содѣйствіе развитію двухъ взаимно исключającychся системъ хозяйства,—соціальная политика становится безцѣльной и лишеной плана. Она можетъ замедлить темпъ развитія, сопровождаясь гуманной индивидуальной политикой въ интересахъ, элементовъ клонящихся къ упадку. Но соціальная политика должна всегда опредѣленно имѣть въ виду направленіе, въ кото-

ромъ переустраивается экономическая жизнь, а это можетъ быть лишь направлениемъ побѣднаго шествія опредѣленной системы хозяйства, значить, отдѣльнаго соціального класса.

Въ основѣ нашего взгляда лежитъ мысль о вѣчномъ теченіи экономической жизни; поэтому, особенно въ отношеніи къ современности, онъ находится въ соответствіи съ дѣйствительностью. Основой другого взгляда служитъ идея о неподвижномъ состояніи гармоническаго дѣленія общества, но онъ противорѣчитъ исторіи. Мы думаемъ, что опредѣленныя системы хозяйства смѣняются одна другую и прекращаютъ взаимную борьбу не раньше, какъ послѣ побѣды одной изъ нихъ; они же—сравните, на примѣръ, выше цитированное мнѣніе Шмоллера—представляютъ соціальное развитіе такъ, какъ будто возникаютъ все новые классы, которые на подобіе новыхъ членовъ семьи присоединяются къ существующимъ и должны быть упорядочены въ отношеніяхъ съ ними, какъ бы выполняя различныя функціи общественнаго организма и потому, при умѣломъ руководствѣ правителя государства, могущіе въ полной гармоніи существовать совмѣстно. Такъ были включены „крестьянство и третье сословіе“, теперь пришла очередь пролетаріата; семья получила приростъ, но ея старшіе члены уже сумѣютъ устроиться и придти къ соглашенію съ младшими. Мы же, наоборотъ, видимъ въ заново вырастающихъ классахъ лишь новыхъ борцовъ. Мѣняются фронты борющихся силъ, но остается борьба съ лозунгомъ „побѣда или смерть!“ между крупнымъ землевладѣльцемъ и крестьяниномъ (иногда, правда, могутъ

наступать періоды, въ которыхъ воюющія стороны складываютъ оружіе и какъ бы заключаютъ перемиріе), между купцомъ и ремесленникомъ, буржуа и юнкеромъ, между капиталистомъ и пролетаріемъ. И соціально-политикъ долженъ стать въ этой борьбѣ на ту или другую сторону, если онъ не хочетъ снизойти до роли „безпартійнаго“, т. е. ограничиваться чисто формальной политикой... Правительство, которое захотѣло бы „стоять выше партій“,— предполагая это возможнымъ, — необходимо сдѣлалось бы или правительствомъ зигзагообразнаго курса, которое толкало бы экономическую жизнь то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, преслѣдуя сегодня юнкерскую, завтра мелко-буржуазную, а послѣзавтра капиталистическо-пролетарскую политику, или оно имѣло бы лишь декоративное значеніе, т. е. не преслѣдовало бы никакой самостоятельной политики,—оно носило бы на себѣ все признаки дряхлости. Исторія учитъ насъ, что все сильныя-юношески, бодрья правительства преслѣдовали рѣзко выраженную классовую политику, а именно, энергически представляли интересы экономически-прогрессивнаго для каждаго даннаго времени класса.

Послѣднее замѣчаніе касается уже вопроса о *содержаніи соціальной политики*, который въ точной формулировкѣ гласить: если сознательно-цѣлесообразная соціальная политика необходимо должна быть классовой, потому что она является политической системъ, то какой же соціальный классъ, какая хозяйственная система должна пользоваться содѣйствіемъ?

Спрашивая такимъ образомъ, мы должны при-

помнить сказанное въ началѣ этого изслѣдованія объ отношеніи науки къ политическому идеалу, а именно, что никогда не должно считать задачей науки доказательство ложности или вѣрности „конечныхъ цѣлей“. А въ извѣстномъ смыслѣ и каждый частный идеалъ определенной дѣятельности переходитъ въ ту сферу, гдѣ научное познание безсильно и господствуетъ вѣра.

Я не имѣю здѣсь въ виду того обстоятельства, что опредѣленные интересы необходимо влекутъ къ преслѣдованію извѣстныхъ цѣлей, а хочу лишь указать на простой фактъ, что послѣднимъ аргументомъ, рѣшающимъ для cadaго человѣка вопросъ о направленіи его дѣятельности, является общее міровоззрѣніе и пониманіе жизненныхъ задачъ. Никто не сможетъ привести научные аргументы, которые могли бы, напр., доказать „ложность“ точки зрѣнія Діогена или индійскаго столпника на экономическое развитіе общества, если бы они дѣлали выводъ, что возможно-меньшее развитіе производительныхъ силъ является цѣлью стремленій, идеаломъ экономической жизни, который надо осуществить.

Никто не сможетъ „научно“ опровергнуть того, кто считаетъ должнымъ освободить человѣчество отъ рабства экономической нужды, напр., систематическимъ ограниченіемъ дѣторожденій или даже реальнымъ, а не только книжнымъ „отрицаніемъ воли къ жизни“, попросту говоря, самоубійствомъ. То, что мы противопоставляемъ такимъ воззрѣніямъ, есть антипатія, возмущеніе, отвращеніе, т. е. наше собственное, иное міровоззрѣніе, а ни въ коемъ случаѣ не научныя доказательства. По-

этому наука, какъ уже было выяснено раньше, сознавая границы ея приложимости, должна ставить проблемы такъ, чтобы она могла ихъ рѣшить.

И тогда проблема дѣйствительной, матеріальной соціальной политики получить слѣдующую формулировку:

Если извѣстныя стремленія человѣчества будутъ признаны правомѣрными, то какова должна быть соціальная политика. Такими правомѣрными стремленіями я считаю: сохраненіе и умноженіе нашихъ современныхъ культурныхъ благъ, сохраненіе и упроченіе нашего національнаго могущества, по крайней мѣрѣ, противъ низшихъ восточно-европейскихъ и азіатскихъ народовъ, естественное возрастаніе населенія, расширеніе благъ культуры на все болѣе широкіе слои населенія возможное улучшеніе матеріальнаго существованія, т. е. самое широкое господство надъ силами природы, и возможно-большее освобожденіе людей отъ хозяйственной дѣятельности. Лишь тому, кто согласенъ со мною въ этихъ „конечныхъ цѣляхъ“,—въ дѣйствительности онѣ признаются подавляющимъ большинствомъ европейско-американскаго культурнаго человѣчества, — я могу научнымъ образомъ доказать необходимость достиженія опредѣленныхъ ближайшихъ цѣлей, посредствомъ соціальной политики, какъ *conditio sine qua non* осуществленія названныхъ „конечныхъ цѣлей“. Это значитъ—выборъ опредѣленнаго соціально-политическаго идеала, въ концѣ концовъ, зависить отъ общаго міровоззрѣнія и жизнепониманія данной личности, и необходимость его мо-

жетъ быть обоснована лишь какъ средства къ цѣли. Могутъ возразить мнѣ, что этимъ я, наконецъ, все-таки уничтожаю самостоятельность социальна-политическаго идеала и подчиняю социальную политику чуждымъ точкамъ зрѣнія. Совсѣмъ нѣтъ. Я уже раньше предостерегалъ отъ заблужденія, что организація хозяйственной жизни можетъ когда-нибудь сдѣлаться „абсолютной конечной цѣлью“ человѣческаго существованія, никогда не отрицая характера социальна-политическаго идеала, какъ одной изъ цѣлей. Но я отрицалъ господство въ социальной политикѣ чуждыхъ точекъ зрѣнія. Соціальная политика должна, по моему, руководится исключительно социальна-политической точкой зрѣнія. Я хочу построить социальную политику, достигнуть единства и ясности системы на почвѣ ея собственнаго идеала: это называю я самостоятельностью социальна-политическаго идеала, а не объявленіе абсолютными социальна-политическими цѣлей.

Теперь, я думаю, не представитъ болѣе трудности отвѣтъ на нашъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной социальной политикѣ. Онъ долженъ быть таковъ:

Здоровая социальная политика должна имѣть своей задачей возможную поддержку того социального класса, который является носителемъ экономическаго прогресса, потому что лишь такимъ путемъ можетъ быть осуществленъ ея идеалъ: высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо требуется въ интересахъ культурнаго прогресса.

Это можетъ быть формулировано и такимъ образомъ:

Идеаль социальной политики есть экономически совершенное, которое представляется для каждого данного времени высшей по развитію хозяйственной системой, т. е. системой хозяйства высшей производительности.

Дальнѣйшее обоснованіе этихъ положеній не составляетъ задачи настоящаго изслѣдованія, предназначеннаго лишь для выясненія основной точки зрѣнія. Иначе понадобилось бы систематическое изложеніе цѣлей современной социальной политики, а для этого необходимы еще пока обширныя предварительныя работы, изъ которыхъ нѣкоторыя уже сдѣланы мною.

Теперь мнѣ хотѣлось бы лишь еще разъ пробудить и укрѣпить въ читателѣ вѣрное пониманіе принципіальной своеобразности отстаиваемой мною точки зрѣнія, чтобы, по крайней мѣрѣ, по поводу руководящихъ положеній моего взгляда не могло возникнуть недоразумѣній.

Прежде всего мои положенія *не заключаютъ*:

1) Мнѣнія, что вся хозяйственная жизнь *необходимо* должна быть построена на одной схемѣ, что одна и та же система хозяйства неизбежно должна господствовать равномѣрно во всѣхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности. Подъ влияніемъ извѣстныхъ условій, мелкое крестьянство *можетъ* существовать наряду съ крупной сельскохозяйственной промышленностью, такъ же, какъ мѣстное ремесло и промышленный капитализмъ могутъ существовать въ данной странѣ одновременно, и эти различныя формы будутъ соответствовать для извѣстнаго момента идеалу социальной политики.

2) Идеаль высшей *производительности* не дол-

женъ быть смѣшиваемъ съ идеаломъ возможно большаго производства, выставявшимся старой школой, еще менѣе съ идеаломъ наибольшаго „чистаго дохода“, т. е. предпринимательской прибыли, какъ извѣстно также иногда выставявшимся въ сочиненіяхъ прежнихъ политико-экономовъ.

Считаю умѣстнымъ сказать еще нѣсколько словъ для поясненія вышеизложеннаго.

Мой идеаль социальной политики дѣйствительно есть „производственный идеаль“ и этимъ примыкаетъ къ давно извѣстнымъ традиціямъ, но лишь въ томъ смыслѣ, что онъ исполняется въ зависимости отъ успѣшности производства, но онъ совершенно не исключаетъ „воздѣйствія на распредѣленіе“. Эта зависимость отъ успѣха производства неизбѣжна, потому что лишь она вноситъ въ экономическую политику единство и опредѣленность цѣлей.

Такъ называемая „распредѣлительная политика“ представляетъ вполнѣ безсистемную путаницу отдѣльных мѣропріятій; она не можетъ имѣть ясныхъ и устойчивыхъ точекъ зрѣнія; она всегда является лишь политикой зашиванія прорѣхъ и „штопанія мужицкой сермяги“. Попытайтесь, напр., сдѣлать руководящимъ принципомъ экономической политики стремленіе увеличить долю участія немущихъ въ плодахъ „стоящихъ готовыми на столѣ жизни“, и вы сразу увидите невозможность обосновать на такомъ принципѣ хоть нѣсколько осмысленную и цѣльную систему социальной политики. Наоборотъ, социальная политика вполнѣ можетъ быть и очень часто бываетъ „политикой распредѣленія“, если, напр., достигается повышеніе заработной платы для предупрежденія кризисовъ или

поддержка безработнымъ, чтобы воспрепятствовать пониженію заработной платы, а тѣмъ самымъ и пониженію технического уровня методовъ производства и т. д.

Ставя успѣшность производства въ зависимость отъ хозяйственной организаціи, т. е. системы хозяйства, и выставляя идеаломъ хозяйственную систему наивысшей производительности, я выдѣляю понятіе производительности изъ чисто-технической сферы и придаю ему *соціальный характеръ*. А именно: выставляя цѣлью наивысшую успѣшность производства, я имѣю въ виду не наиболѣе совершенный технически способъ производства или транспорта, а возможно-лучшую организацію общественной работы, которая воспользуется всеми успѣхами техники. Такимъ образомъ, ясно поставленная цѣль соціальной политики есть всегда построеніе или примѣненіе соціального порядка, регулирующаго хозяйственную жизнь.

Наконецъ, какъ упомянуто выше, я совершенно не отождествляю промышленнаго успѣха съ количествомъ произведенныхъ богатствъ. Этимъ я ставлю опять на ноги поставленное старой школой на голову отношеніе между человѣкомъ и вещами, причемъ я не дѣлаю перваго средствомъ, вторыхъ же цѣлью, а, наоборотъ, хочу видѣть человѣка цѣлью, а вещи—средствомъ.

Высшая возможность производства означаетъ высшую производительность. Понятіе „*производительность*“, одно изъ кардинальныхъ понятій всего ученія политической экономіи, принадлежитъ къ самымъ неяснымъ въ нашей коллекціи запутанныхъ понятій. Въ нашей монументальной энци-

клопедіи государственныхъ наукъ отсутствуетъ и этотъ заголовокъ! Я не могу представить себѣ большей муки ада для погрѣшившаго на своемъ вѣку политико-эконома, чѣмъ если онъ будетъ присужденъ въ царствѣ тѣней ежедневно прочитывать главу о „производительности“ изъ нашихъ ходячихъ учебниковъ, хотя бы, напр., соотвѣтствующія мѣста въ такъ наз. „Системѣ“ Рошера.

Виною ужасной неясности здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, является недостаточная внимательность къ тому, что слово „производительность“ имѣетъ много значеній. Поскольку я вижу, имъ обозначаются слѣдующія три различныхъ понятія: 1) то, что можно бы назвать общественной полезностью: судья „производителенъ“, такъ какъ онъ „производитъ“ разборъ правонарушеній, значитъ исполняетъ необходимую въ жизни общества функцію; 2) то, что можетъ быть названо частнохозяйственной „выгодностью“: затраченный капиталъ „производителенъ“, т. е. онъ приноситъ выгоду; сюда относится ученіе фізіократовъ о прибавочной стоимости, какъ *produit net.*; 3) то, что можно бы назвать технической „производительностью“, если бы это выраженіе на давало повода къ недоразумѣніямъ: плодотворность или производительность человѣческаго труда. Лишь въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понятіе производительности важно для политической экономіи, что здѣсь не мѣсто доказывать.

Во всякомъ случаѣ только въ этомъ смыслѣ оно ясно, потому что поддается количественному выраженію чрезъ установленіе отношенія между суммой продукта къ выражаемой во времени суммѣ

труда. И только въ этомъ смыслѣ я употребляю здѣсь слово „производительность“. Выставляя цѣлью соціальной политики хозяйственную систему наивысшей прозводительности, я тѣмъ самымъ ставлю цѣлью достиженіе такой организаціи экономической жизни, при которой получается наивысшая плодотворность общественной работы, слѣдовательно, создается для общества возможность мало работать или много производить.

Построеніе на основѣ этихъ положеній всей современной, такъ наз. соціальной, т. е. рабочей, политики представляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ ближайшаго будущаго. Лишь тогда соціальная политика избавится отъ господствующей безпринципности и отсутствія плана, лишь тогда она будетъ приведена въ единую систему съ разьединенными теперь отраслями экономической политики: аграрной, промышленной и торговой. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу другого выхода изъ хаоса современной политики, кромѣ принятія обоснованной здѣсь точки зрѣнія.

Я думаю, что послѣ всего сказаннаго мой принципъ ясенъ. Отъ дальнѣйшаго обоснованія его теперь приходится отказаться. Если мы оглянемся на пройденный путь, то главными пунктами, на которыхъ останавливается нашъ глазъ, будутъ слѣдующіе. Наблюдающій теоретикъ, который хочетъ озарить свѣтомъ науки путь пракческаго политика, стремится внести въ путаницу отдѣльныхъ политическихъ мѣропріятій смыслъ, единство и систему. Онъ различаетъ существенныя отъ несущест-

ственныхъ группъ этихъ мѣропріятій. Такъ, онъ приходитъ къ необходимости установить понятие соціальной политики. Тогда предъ нимъ возникаетъ вопросъ о руководящей точкѣ зрѣнія въ области соціальной политики. Онъ отклоняетъ чуждые масштабы потому, что теоретически они не даютъ ему прочнаго фундамента, практически же заключаютъ опасность болѣе важныя мѣры принести въ жертву менѣе важнымъ. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ требованію самостоятельнаго идеала соціальной политики: экономическаго совершенства. Какъ включаетъ онъ этотъ идеаль въ рядъ другихъ идеаловъ челоѳчества? Этотъ идеаль представляетъ не „абсолютную конечную цѣль“, его осуществленіе представляетъ лишь средство къ осуществленію высшихъ цѣлей. Обезпеченіе необходимыхъ потребностей нашего существованія никогда не можетъ доставить высшаго удовлетворенія божеству, которое живетъ въ нашей груди. Но мы должны признать, что наши высшія стремленія несбыточны, пока мы не заплатили дани земному несовершенству людей. Хозяйственныя нужды можно сравнить съ оковами, которыя задерживаютъ движеніе впередъ; экономическая жизнь есть граница, въ которую заключено все наше существованіе со всѣми его проявленіями, включая и самыя высшія. Поэтому путеводной звѣздой нашихъ стремленій можетъ быть только одно: разорвать оковы, расширить границы, чтобы достигнуть свѣта, воздуха и свободы. Теперь важно не подкапываніе вѣры въ экономическій прогрессъ этически-вѣроисповѣдными сомнѣніями, а содѣйствіе тому, чтобы этотъ прогрессъ совершался какъ можно быстрѣе. Чѣмъ выше ступень

достигнутаго нами экономическаго совершенства, тѣмъ болѣе свободными людьми мы будемъ, тѣмъ большую возможность мы будемъ имѣть, чтобы посвятить нашу жизнь достиженію идеаловъ правды, красоты, добра, человѣческаго совершенства.

Понимаемый такимъ образомъ самостоятельный идеаль социальной политики служить этикѣ, религіи и расовой гигиенѣ несравненно лучше, чѣмъ было бы возможно при вмѣшательствѣ названныхъ дисциплинъ въ хозяйственную жизнь. Не будемъ задерживать нашего развитія, загромождаъ путь къ лучшему будущему балластомъ отжившихъ фразъ и сомнѣній; будемъ всѣми силами содѣйствовать экономическому прогрессу въ твердой увѣренности, что на широкой основѣ матеріальнаго благосостоянія мы сможемъ развить и высшія формы человѣчности. Исторія подтверждаетъ этотъ жизнерадостный взглядъ. Всѣ высшія культуры расцвѣли лишь на почвѣ богатой хозяйственной жизни. Еще ни одинъ экономически-прогрессивный народъ не погибъ культурно. Зато насъ ужасають слѣды экономически выродившихся народовъ, погрузившихся во мракъ варварства.

Такъ мы понимаемъ социальную политику въ ея истинномъ значеніи; она должна выполнять собственное дѣло, не преслѣдуя никакихъ чуждыхъ цѣлей. Ея дѣло заключается въ томъ, чтобы очистить и уравнять путь, по которому человѣчество стремится впередъ къ свѣту и свободѣ.

ՆԱԽՆԵՐԿՈՒ
ՅՈՋԱԳՐԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ